Мщение справедливо

Автор:
Николай Леонов

Мщение справедливо

Николай Иванович Леонов

Гуров #15

Гуров расследует убийство высокопоставленного чиновника, застреленного на глазах его друзей – людей, облеченных властью. Кому было выгодно это преступление? Кто его совершил? Как оказалось, эти вопросы занимают не только Гурова…

Николай Леонов

Мщение справедливо

Пролог

Он сидел у себя в кабинете за письменным столом и бездумно наблюдал, как пузырится и тает в стакане таблетка аспирина. Голова болела несколько суток, не очень сильно болела, но постоянно, без пауз. В телевизионной рекламе аспирин помогал безукоризненно. Реклама существует для отъема денег у людей доверчивых, к которым он не принадлежал, однако растворимый аспирин распорядился купить. Теперь смотрел на пузырьки и понимал, лишь совсем никчемный, наивный человек может рассчитывать, что голова, заболевшая от мыслей об убийстве, может быть излечена столь примитивным способом. Совершенно некстати вспомнилась пошлая шутка, что безотказное средство от

головной боли есть лишь одно – гильотина.

Он залпом осушил стакан, вкуса не почувствовал, пригубил из рюмки коньяку и включил лежавший перед ним магнитофон.

– На Руси, коллеги, издревле все действия начинались от печки, – произнес спокойный, слегка насмешливый голос полковника Гурова.

Старший оперативный уполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России полковник милиции Гуров выступал, если угодно, читал лекцию в Высшей школе МВД. Перед началом своего выступления полковник сказал:

– Уважаемые коллеги, попробуем разобраться в причинах, которые мешают нам разыскивать наемных убийц…

Он выключил магнитофон, вспомнил самоуверенного полковника, который говорил четко, рублеными фразами, порой повторяя некоторые слова, видимо придавая им особое значение, посидел некоторое время в состоянии прострации, вновь нажал клавишу магнитофона.

– Для сыщика, работающего по розыску наемника, крайне важно точно определить, что именно в конкретном деле следует принять за «печку». Для примера мы возьмем убийство, когда проведенные оперативные мероприятия успеха не принесли. Период «хватай мешки, вокзал отходит» закончился. Начальство разъехалось по теплым кабинетам, эксперты собрали свои чемоданы, следователь прокуратуры дал нам соответствующее поручение… Труп в морге, родственники убитого в трауре, накрывают столы. Вы на свой обшарпанный стол выкладываете стопочку бумаги и начинаете сочинять план оперативно-розыскных мероприятий. К черту план! Я – не лектор, вы – не ученики, мы с вами – сыщики. Мы отлично знаем, что бумага нужна начальству для отчета…

Он хлопнул по магнитофону ладонью, известный сыщик заткнулся. Запись была сделана неделю назад. Он слышал Гурова в зале, затем неоднократно прокручивал пленку, выучил выступление сыскаря наизусть. Он никогда не держал в руках оружия, разве что в тире парка отдыха. Он и дрался лишь в детстве и не слишком успешно. Убить человека? Моральная сторона дела его не

волновала. Как человек на земле организовался, так и начал убивать, убивает по сей день и будет убивать, пока существует. Дело не в морали. Он знал себя, понимал, что убить не сумеет, и не оттого, что струсит, не хватит ловкости, силы воли, решительности. Он кран водопроводный, штепсель починить не может, не рукастый от рождения. Не боги горшки обжигают! Верно, не боги. Но и не пианисты или, к примеру, не математики. Каждый должен заниматься своим делом. А когда кухарка начнет управлять государством, мы имеем то, что имеем, конкретно – Россию. Вроде все есть, а на самом деле ничего нет.

Ты финансист, политик, чиновник, короче, Головастик. А убивать должен убийца! Так где его взять? Правильно этот чертов мент говорил, мол, газеты, телевидение, радио неустанно повторяют: наемный убийца – человек обреченный, его ликвидируют непосредственно после выполнения задания. Данную истину постигла даже тетя Маша из Херсона. Все знают! А наемники этого не знают и продолжают убивать! Откуда же они берутся, недоумки?

Он помнил, когда полковник Гуров сделал паузу, как тронул пальцами седой висок и продолжал в том духе, что самое простое и есть наиболее сложное. Взять хоть колесо телеги, хоть таблицу умножения. И говорил полковник еще часа два.

Он слушал Гурова, сидя за столом президиума между двумя генералами, которые, судя по их взглядам друг на друга и на расхаживающего по сцене полковника, были последним крайне недовольны, однако помалкивали.

Жизнь загнала его в тупик, выход существовал, но его перегораживал один человек, обойти которого не представлялось возможным, следовательно, необходимо было убрать. Читаешь газеты, так в Москве убивают ежедневно, практически убийц не находят. Бандиты стреляют в бандитов, что естественно. Но убивают и людей солидных, не имеющих прямого отношения к преступным группировкам. Вот и Он не имеет, а убить необходимо, так как самому жить очень хочется, причем жить красиво и свободно, а не существовать.

И Он, Головастик, обязан вопрос решить. Все-таки не зря Он организовал выступление этого сыщика, кое-что Гуров сообщил поучительного. Сколько раз прослушал пленку, но так и не узнал, где найти исполнителя и как совершить убийство, но Он понял нечто очень важное – чего в таком деле совершать не следует.

Глава 1

Полковники Гуров и Крячко занимали один кабинет, столы стояли боком к единственному окну, «лбами» друг к другу, таким образом, сыщики сидели друг против друга, глаза в глаза, хотя и были закадычными друзьями, изрядно надоели друг другу. У каждого за спиной, в углу, стоял сейф, еще один письменный стол находился у стены, слева от входной двери, за которым «гости» и подчиненные порой писали рапорта, объяснения, заявления и, конечно, бесчисленные жалобы.

– Если на сыщика не «катят бочки», значит, он не сыщик, а сторож садового участка, – говорил порой Крячко и следил, чтобы на гостевом столе всегда лежали папка с чистой бумагой и шариковая ручка, которая регулярно исчезала.

Станислав, обнаружив очередную пропажу, записывал подозреваемого в краже на страничку отрывного календаря, грозился привязать шариковую ручку к ножке стола и клал на «жалостливую» папку новую, которую сам недавно позаимствовал в чьем-нибудь кабинете.

В общем, кабинет старших оперов главка угро никак не походил на каземат, в котором зачастую плакали мужчины, рыдали женщины, матерились менты, некоторые в генеральских погонах. Никто в этом кабинете никого и пальцем не тронул, но человек очень болезненно реагирует, когда ему в лицо говорят о нем правду. А добывать правду и порой излагать ее вслух являлось профессией хозяев этого обычного канцелярского кабинета.

Гуров работал в сыске двадцать лет. Высокий, стройный, элегантный, с задумчивыми светлыми глазами под темными бровями, он очень нравился женщинам и крайне не нравился начальству.

Крячко был ниже ростом, круглее в талии, проще лицом и одеждой, любил балагурить, жаловаться на жизнь и внешностью и манерами временами походил на знаменитого солдата Швейка.

Сыщики знали друг друга давно, пережили и взаимную неприязнь, и недоверие, ссорились и вновь шли рядом, порой ползли, сплевывая кровью. Они были очень разные, но их прочно объединяли такие качества, как честность, которая не мешала порой хитрить и недоговаривать, верность своему слову, опыт розыскной работы, дружба и взаимная любовь, которой они стеснялись и порой говорили друг другу вещи достаточно неприятные.

У Гурова и Крячко был еще один друг – генерал, начальник главка Петр Николаевич Орлов. Гуров знал его без малого двадцать лет, работал с ним в одной опергруппе МУРа, когда Орлов был не генералом, а старшим группы и отнюдь не другом. Работа в розыске – не война на передовой, не будем кощунствовать, но это мужская «соленая» работа, где тоже грязи и крови хватает и мало не покажется. Крячко пришел в группу Гурова спустя два года, так что эти три человека работали бок о бок черт знает сколько времени, так как жизнь в сыске считать день за день несправедливо, а никакого коэффициента еще не придумали.

Кабинет оперов находился в одном коридоре с генеральским, и, когда секретарь сообщила, что «сам просит заглянуть», сыщики через несколько секунд вошли в «предбанник». Хозяйка приемной, влюбленная в начальника и в обоих сыщиков, причем в каждого по-разному, взглянула на вошедших строго и сочувственно, тем предупреждая, что ничего хорошего друзей не ждет и шуточки следует оставить здесь, молча кивнула на дубовые двери. Женщина работала у Орлова давно, соответственно и давно знала оперативников, но и ее опыта не хватало, чтобы понять – данное предупреждение излишне, так как вызов не самолично, а через секретаря говорил сам за себя.

Крячко распахнул перед Гуровым тяжелую дверь, состроил подружке «рожу», демонстративно одернул пиджак и вошел следом за другом.

Орлов был в мундире, который терпеть не мог и надевал в случаях крайней необходимости. Петр Николаевич меньше месяца назад получил вторую генеральскую звезду. Гуров моментально просек, что Петр сей момент вернулся с выволочки, не стал переодеваться, значит, торопится, настроение у друга говенное не только из-за недавнего разговора в верхах, но и в связи с тем, что генерал в мундире и вроде бы хвастается повышением в звании. Стараясь разрядить обстановку, Гуров сказал:

– Добрый день, Петр Николаевич. – В официальной обстановке они разговаривали на «вы».

Однако Крячко, хотя тоже все понимал, не сдержался и по-строевому четко произнес:

– Здравия желаю, господин генерал-лейтенант!

Орлов даже не изобразил желания приподняться, махнул короткопалой рукой, буркнул:

– Располагайтесь. Не знаю, кто из вас хуже: один хитер и неискренен, второй не способен из вежливости прикинуться человеком тактичным.

– Что выросло, то выросло. – Гуров прошел через небольшой кабинет и пристроился на любимом подоконнике.

Крячко занял «свой» стул, оглядел скромный кабинет, не соответствующий должности хозяина, и серьезно, даже душевно сказал:

– Петр Николаевич, разрешите мне в ХОЗУ словечко сказать? Вам вмиг надлежащие апартаменты выделят.

Орлов не ответил, даже не взглянул, расстегнул пуговицы, ослабил узел галстука, почесал лысеющую макушку, потер нос-картофелину, вздохнул:

– Шестьдесят, и никуда не денешься. Сколько по утрам утюгами ни махай, какой водой ни обливайся, меньше ни на один день не станет. – Он грузно повернулся к Гурову. – Ты, парень, который день из отпуска возвратился, о своих родителях ни слова, вроде не чужие. Все там же, в деревне, под Херсоном? Здоровы? Ты привет от меня передал?

– Обязательно. – Гуров кивнул. – Отец к дому веранду пришпандорил собственноручно, горд до ужаса, кланяться велел. Мама просила целовать, она такая же красивая, только совсем седая.

– Да, жизнь. – Орлов крепко потер лицо ладонью. – Как и следовало ожидать, ФСК в деле по убийству Скопа Игоря Михайловича уперлась… – Он выругался, что случалось редко. – Решили, что мы должны подключиться к делу.

– Что значит подключиться? – возмутился Крячко. – Казалось просто, налетели, теперь обратный ход? Дело было спервоначалу наше. Теперь уже это ихний поезд ушел, а не наш.

– Станислав! – Гуров произносил имя друга с ударением на втором слоге, отчего оно звучало по-иностранному. – Кто ведет следствие в прокуратуре?

– Гойда, дружочек твой, – ответил Орлов. – Ему и поклонись; когда коллеги, отчитываясь, в словах путаться начали, старший следователь прокуратуры твое имя назвал.

– Игорь Федорович, – усмехнулся Гуров, – отнюдь не худший следователь, считай, нам повезло.

– Кому повезло? – От возмущения Крячко начал заикаться. – Хоть какая-то справедливость должна существовать?

– Это вряд ли, – ответил Гуров. – И не плюйся вслед ушедшему поезду. Решение уже принято, не наезжай на Петра Николаевича, защитить нас обязан был министр, а не начальник главка. А министр наверняка рта не раскрыл. И никого в верхах не интересует, что со дня убийства прошла неделя, и кто должен был начинать по горячим следам – отвратительное выражение, в жизни не видел горячего следа – тоже не интересует, и как мы будем с тобой кувыркаться, всем, кроме Петра, наплевать.

– Ты отпуск не догулял, считай, на работу еще не вышел, а Петр Николаевич может внезапно заболеть. Вы меня оба старше и кругом главнее, но в житейских делах я вам обоим фору дам. В это дело лезть нельзя. В контрразведке ребята битые, раз они отступились, значит, точно – петля. Когда Скопа грохнули, ты, гений, грядки в деревне копал. Ты основных свидетелей знаешь? Помощник по безопасности, заместитель начальника охраны Президента, председатель думского комитета и вице-премьер. Он же хозяин фазенды, на веранде которой и уложили трупик. Тебе это надо? Нас всех перевешают!

– Станислав, веди себя прилично, не плюйся, – сказал Орлов. – Никого не тронут, в России не принято наказывать виновных. Меня отправят на пенсию, и только, давно пора. Они и дело нам передали, потому как заранее определили, кого отдать легче. Начальник главка генерал-лейтенант уволен! Звучит солидно. Множество заказных убийств не раскрыто, будет еще одно. Конечно, время у нас украли, затем подставили, но в политике такие правила. Ты же не удивляешься, что в футбол играют только ногами и головой, хотя руками удобнее. Парни, вы бы видели, как они на меня поглядывали. Я и слова не сказал, и не от стеснительности, а чтобы удовольствия им не доставлять. Они ожидали, я попытаюсь сопротивляться.

– Нам передали розыскное дело? – Гуров отошел от окна, закурил. – Успеха они не добились, но семь дней оперативники чем-то занимались, отсутствие результата – тоже результат. Важно знать, что ребята проделали, и не топтать проторенные дорожки.

– По-моему, ты учишь меня жить. – Орлов взял лежавшую на углу стола тоненькую папочку, протянул Гурову. – Осмотр места, заключение врача, фотографии, опросы трех охранников. Да, забыл, поручение прокуратуры и заключение эксперта по баллистике.

– За семь дней? – Гуров взял тоненькую папку.

– Лев Иванович, не прикидывайся недоумком, не получается, – сказал зло Крячко. – Я знаю, что ты более-менее в курсе, дело казалось легким, дилетантским, «соседи» курируют зону, оказались на месте первыми и захотели отличиться.

– Пять минут назад ты возмущался, утверждал, что дело было изначально наше, ментовское, теперь вроде как защищаешь гэбэшников.

– Я не защищаю, а понимаю, каждый служивый желает выслужиться, – огрызнулся Крячко. – А папочку ты взял зазря, абсолютно напрасно.

– Прекратите. – Орлов тяжко поднялся, начал стаскивать мундир. Крячко подскочил, принял у начальника мундир, взвесил на руках. – Тяжела ты, шапка…

– Могу дать сфотографироваться, – перебил Орлов. – Будь другом, повесь в шкаф, дай мой пиджачишко. Лева, я понимаю, ты со следователем прокуратуры ладишь. Он просил срочно позвонить.

– Я с каждым приличным мужиком могу поладить. Игорь Федорович в порядке, мы с ним в фазенде бывшего спикера работали.

– Извините, парни, но такую жизнь придумал не я. Удачи! Докладывать ежедневно, – сказал Орлов.

– Обязательно. – Гуров кивнул и направился к дверям.

– И вам, Петр Николаевич, спасибо, – сказал Крячко, открывая перед Гуровым дверь.

– Полковник Гуров, надеюсь, вы понимаете? – Орлов кашлянул.

– Они не понимают, но мы им объясним. – Крячко юркнул из кабинета и поспешно прикрыл за собой дверь.

Когда сыщики вернулись в свой кабинет, Гуров бросил полученную папку на стол Крячко, сел в свое кресло, подвинул телефон и сказал:

– Господин полковник, назначаю вас старшим по розыску преступника, совершившего данное убийство. Ознакомьтесь с материалами, доложите свои предложения, а я пока переговорю с прокуратурой. – И начал набирать номер.

– Убили замминистра, а вы шутить изволите. – Крячко уселся напротив Гурова, раскрыл папку, вытряхнул из конверта фотографии. – Хорошо, никто тебя не слышит.

Гуров согласно кивнул, услышал в трубке знакомый, чуть шепелявый голос, сказал:

– Здравствуй, Игорь Федорович. Гуров беспокоит. Спасибо за протекцию, материал получил.

– Здравствуй, Лев Иванович, – ответил следователь прокуратуры Гойда. – Не стоит благодарности, свои люди.

– Прокуратура и розыск – свои люди? – Гуров вздохнул. – Это нечто новое. Оставим, Игорь Федорович, ты в деле с первого дня?

– Производил осмотр места.

– Прекрасно. Когда встретимся?

– Сейчас. Вы подъедете в прокуратуру?

– Лучше ты к нам. У тебя будут мешать, заходить, звонить. Машина есть или за тобой заехать?

– Выделяли… – Гойда никогда не ругался матом, пробормотал нечленораздельное. – Сейчас выезжаю.

– Ждем. – Гуров положил трубку. – Со следователем нам повезло.

– Мы вообще счастливчики. – Крячко сложил документы и фотографии в папочку, перебросил ее на стол Гурова. – Лев Иванович, ты как полагаешь, мы с тобой вполне нормальные или все-таки того?.. – Он прокрутил пальцем у виска. – О чем угодно мы способны говорить несерьезно. Убили человека, мы подшучиваем друг над другом, пикируемся.

– Ты видел, как работает патологоанатом? Как он разговаривает, распиливая человеческий череп, слышал? Конечно, следует следить за собой, не превращаться в циников. Однако, извини, Станислав, за повторы, но что выросло, то выросло. Лучше мы уже не станем.

Старший следователь горпрокуратуры Игорь Федорович Гойда был невысок, округл, быстр в движениях и аккуратен в словах, умный, дотошный, в меру циничный. Они познакомились с Гуровым около двух лет назад, работая по убийству горничной на фазенде тогдашнего спикера парламента, особо не

сдружились, но симпатизировали друг другу, что во взаимоотношениях сыщика и прокурорского чиновника случается не часто.

Когда Гойда вошел, Гуров взял у него плащ, уступил свое место, предвидя, что Станиславу придется писать, а сам Гуров, слушая, любил расхаживать по кабинету.

– Здрасьте, здрасьте, орлы-сыщики, – сказал Гойда, зябко потирая свои маленькие ладошки и усаживаясь на предложенный стул. – Значит, в такой обстановке вы и творите свои беззакония. – Ловко открыл портфель, выхватил из него канцелярскую папку с тесемочками.

– Творим, Игорь Федорович, кто без греха? Знакомься, мой напарник Станислав Крячко. – Гуров кивнул на друга. – А это, Станислав, наш новый начальник, следователь-важняк, зануда и буквоед, но дело знает.

– Знакомы. Ты, Лев Иванович, обеспамятовал. И то, скажу, почти два года минуло, а делов-то провернулось: парламент разогнали, расстреляли, Думу собрали, Чечню изничтожили. – Он встретился взглядом с Гуровым, замолчал и продолжал деловито: – Заместитель министра финансов Скоп Игорь Михайлович убит выстрелом из винтовки в 19 часов 12 минут 24 марта 1995 года на веранде дачи, принадлежащей на правах личной собственности вице-премьеру правительства России Барчуку Анатолию Трофимовичу. Пуля пробила лобную кость, застряла в черепе. Смерть наступила мгновенно. Выстрел произведен с расстояния сорока восьми метров, винтовка брошена на месте выстрела. После изъятия пули и проведения соответствующей экспертизы доказано, что найденная винтовка является орудием убийства.

Гойда собрался добавить, мол, картина, в принципе, знакомая, выполнена простенько и со вкусом, но, глянув в хмурые лица сыщиков, воздержался, пробормотал невнятно, что должно было означать матерную ругань.

– Продолжай, не стесняйся, – сказал Гуров, присаживаясь на край ничейного стола.

– В момент убийства на веранде находились хозяин, президент коммерческого банка, сопредседатель множества чего, миллионер Якушев, имя-отчество запамятовал, председатель одного из комитетов ЛДПР Олег Кузьмич Еркин.

– Где-то я похожую фамилию слышал, – пробормотал в задумчивости Крячко.

Еще бы! Разве забудешь фамилию родного министра! Гуров глянул на друга презрительно, сказал:

– Извини, Игорь Федорович.

– Свои люди, – кивнул Гойда и продолжал: – Помощник Президента Юрий Олегович Ждан и заместитель начальника охраны Президента Егор Владимирович Яшин. Жены отсутствовали, мальчишник собрали по случаю обмывания данной дачи. В доме находились еще двое из прислуги, четыре охранника сидели на кухне. Выстрела никто не слышал, винтовка была с глушителем. Никто ничего не видел, у всех стопроцентное алиби.

– «Следствие закончено – забудьте!» – сказал Крячко, положив подбородок на скрещенные ладони.

– Ты заткнешься? – тихо спросил Гуров.

– Младшего обижаете, я лишь напомнил название знаменитого итальянского фильма. Фамилию маэстро забыл. Ну, извини!

Гуров махнул на Крячко рукой, повернулся к Гойде, спросил:

– И что у тебя имеется?

– Труп и начальство, что же еще?

– Мои коллеги неделю копали и ничего?

– Какие-то машины проверяют, ничего конкретного. Когда поедешь смотреть?

– Завтра поутру. А чего ФСК вцепилась? Почему не вызвали сразу территориальных розыскников? Что-то казалось? Что-то блестело?

– Лев Иванович, у них поймешь? В чем дерьмо – тебе понятно. Высоких гостей надо работать, а они – «да», «нет», «не знаю», «занят». Ясно, стрелок пришел со стороны, но непричастность всех присутствующих я принять не могу, а работать не дают. Потому и контрразведчики отступили.

– Теперь нужен мент-говновоз, который бы всю эту ароматную кучу на себя взвалил и тащил до упаду. Чуть погодя все спустят в канализацию.

– Ты в горловину не пройдешь, у тебя плечи широкие. – Крячко поднялся из-за стола и неожиданно застучал костяшками пальцев по столу. – Этих людишек надо заставить исповедоваться. Нужен железный характер. А железнее тебя – только отбойный молоток, и то, как ты сам любишь повторять, «это вряд ли»!

– Знаешь, за что я тебя особенно люблю? – усмехнулся Гуров.

– Знаю! – Крячко вытер ладонью пот со лба, встряхнул мокрыми пальцами. – Признаю, ты гений. Но для них ты – никто. Про себя я не говорю. Ты же понял, они Петра хоронят – первого сыщика России. И вообще, дискуссия закончена. С самолета мы прыгнули, не хочешь открывать парашют – не открывай, я тебя на себе донесу. Ребята, хотите свежий анекдот?

Гойда смотрел на друзей изумленно, затем неуверенно сказал:

– Мне нравится ваш оптимизм, но сложность в том, что эти люди и в прокуратуру не являются, а уж в милицию не придут абсолютно точно.

Гуров задумчиво улыбался и молчал. Крячко в своем эмоциональном всплеске выдохся и уже жалел о сказанном, и не оттого, что испугался, а сочувствовал Гурову, который на самом деле отнюдь не железный и вообще – «на хрена козе баян?».

– Нормальные люди с возрастом умнеют, – пробормотал он. – Видно, я принадлежу к иной категории.

– Это вряд ли, – спокойно возразил Гуров. – Ты просто хитрый мужик, знаешь, чтобы меня запрячь, надо сначала разозлить. У нас есть сто причин заниматься этим делом. Во-первых, приказано, чего вполне достаточно. Исповедоваться,

конечно, никого не заставишь. Не те люди. Игорь, говоришь, они в прокуратуру не являются?

– Все вежливо, Лев Иванович, звонит помощник, приносит извинения, мол, готовят срочный документ для Президента, или другое вранье, и просит встречу отложить.

– Я понимаю. – Гуров кивнул. – Мы люди не гордые – сами залетим на огонек.

– Не примут. – Гойда развел руками. – Десяток способов существует. Позавчера я в приемной вице-премьера Барчука попытался шуметь, так он сам, лично, из кабинета вышел, извинился, я чуть со стыда не сгорел.

– Ничего, у нас предохранители здоровые, выдержим, – заметил Крячко.

– Игорь, у высокопоставленных свидетелей просматривается очень слабое место. Когда они данный факт как следует усвоят, мы козырями сравняемся.

– Какое место? Чего ты задумал? Докладывай, следствие ведет прокуратура.

– Обязательно. Вот ты и дай мне поручение повторно произвести осмотр места преступления.

– Что ты там найдешь?

– Вдохновение.

– Об узком месте сейчас не скажешь?

– Без вдохновения не получится, – серьезно ответил Гуров. – Они тебя так сразу закрутили, что ты ослеп. Со мной такое случалось неоднократно. Завтра поутру мы со Станиславом выезжаем на фазенду господина Барчука. Ты, господин полковник, на своем ворованном «Мерседесе» заезжаешь за мной в восемь.

– Подаренном, – огрызнулся Крячко.

– Известно, каждый жулик утверждает, мол, не украл, подарили.

Видимо, у Гурова созрел некий план, который с каждой минутой сыщику нравился все больше, и он весело продолжал:

– Игорь Федорович, тебе известно, что мы отсюда сбегали в частный сектор? Решили обогатиться за счет знаний, полученных на службе Отечеству. Но остатки совести пробудились, и мы возвернулись, но корысть уже заела. Я, как более скромный, прихватил у «капиталистов» «Жигули», новенькую седьмую модель, а господин Крячко, истинно русская душа, упер «Мерседес-190».

– А двухкомнатную квартиру с дырявыми полами, клопами и крысами кто на трехкомнатные апартаменты поменял? – Изображая судью, Крячко поднялся и вытянул в сторону Гурова указующий перст.

– Стас, закладываешь друга по-черному. Грешно.

– Я с детства в Павлика Морозова играл, потому и в ментовку служить пошел.

– Не богохульствуй, мы ментовку как угодно ругать можем, не без греха она, да и мать родная, но меру знай, – строго сказал Гуров. – Значит, договорились, завтра поутру выезжаем.

Супруга Крячко с дочкой уехала на лето к родне; он поднялся ни свет ни заря и явился к Гурову, когда тот, издеваясь над организмом, делал гимнастику.

– Завтрак готовь, не люблю, когда меня разглядывают, – сказал Гуров, впуская друга и проталкивая в кухню.

Крячко послушно загремел посудой, но время от времени подсматривал, как начальник «качается» на тренажере, затем, проделав серию кувырков в разные стороны, начал падать на пол. Эта часть гимнастики всегда потрясала Крячко: друг падал виртуозно, словно каучуковый, как профессионал, переворачивался, вставал в полный рост, вновь опрокидывался, тут же оказывался на ногах, проделывая все это почти бесшумно. И это при росте сто восемьдесят с лишним и весе свыше восьмидесяти килограммов, а о возрасте лучше не вспоминать,

начинали лезть в голову нехорошие мысли о собственных годах. И хотя Станислав был моложе друга чуть ли не на пять лет, однако сороковник не за горами, на улице зовут «мужик», скоро «отцом» величать начнут.

Когда Гуров занимался в тренировочном костюме, то смотрелся мужиком ладно скроенным, крепким, не более того. Но после душа, в плавках, еще не окончательно вытеревшись, он вошел на кухню переливающимся тугими мышцами суперменом. Увидев в глазах друга иронию, Гуров принял позу культуриста и рекламно оскалился.

– Меняй коньки на санки, шлепай прямо в Голливуд. Обучишь меня массажу, я при тебе прокормлюсь.

Сам Крячко спортом почти не занимался, но от природы был ширококост и здоров на удивление, хотя тугой животик уже видимо круглился.

– Насчет Голливуда не уверен, но у меня отец, отставной генерал-лейтенант, пашет на земле. Как конь двужильный, и рядом борозда всегда найдется. Так что мы с тобой действительно не пропадем.

Крячко глянул на шрам на груди Гурова, знал, что под лопаткой у него рубец значительно толще, и спросил:

– А мне ты скажешь, что конкретно учуял в деле?

– Некогда! – Надев халат, Гуров принялся за яичницу. – Начни тебя с ложечки кормить, ты вообще мышей ловить перестанешь. Думай, шевели ушами, мы с тобой историю убийства одновременно слышали.

Дом, вилла, замок или, как сейчас модно называть загородные строения, фазенда вице-премьера Барчука находилась всего в нескольких километрах от Окружной и в двух километрах от шоссе, неподалеку от Клязьминского водохранилища. Здесь строилось одновременно десятка три кирпичных уродцев самой причудливой формы. Несколько крепостей уже готово, среди них и четырехэтажный замок Барчука стоял на небольшом возвышении и поглядывал на подрастающее поколение с кривой усмешкой.

Над стройплощадками мотались разноцветные журавлиные шеи кранов, под ними топали, месили весеннюю грязь мужики в телогрейках, одни – в касках, другие – в ушанках, третьи – вообще с босыми головами. Чувствовалось, работа идет споро, даже весело: здесь, хоть и не шахта и не дальний Север, платят достойно, да еще приплачивают.

Измызгавшись по дороге, «Мерседес» Крячко смотрелся среди других чумазых иномарок нормально, внимания не привлекал.

– Хозяева заезжают взглянуть на строительство родового имения, – сказал Крячко.

– Для имения земли маловато, соток по тридцать-сорок, не более, – задумчиво ответил Гуров. – Я, конечно, не большой знаток Руси, но и спьяну в старину таких уродов не громоздили. Ведь для себя строили, детям, внукам, а из таких башен удобно лишь круговую оборону держать.

– А чего такие махины громоздят? Семья-то наверняка раз-два и обчелся. – Крячко обломил тоненькую веточку с набухшими почками. – Капитал зарывают, торопятся, пока у кормушки стоят, а шуганут, так на зарплату нынче и шалаш Ильича не построишь.

– Недобрый ты, Станислав. – Гуров повернулся к бледному, но уже пригревающему солнцу.

– Нормальный российский мужик, к воровству давно пообвыкший. А ведь просто как! Проверка яйца выеденного не стоит. Спросить декларацию о доходах, положить рядом строительную смету и поинтересоваться, мол, откуда дровишки?

– Любопытный, переобувайся, а то в твоих штиблетах с шоссейки не сойдешь. – Гуров забрался в машину, скинул туфли, натянул резиновые сапоги, прихватил заготовленный рюкзак, где, аккуратно завернутые, лежали две бутылки водки, шмат ветчины, огурцы, стаканы, иное необходимое.

Уже законченный дом, принадлежавший «на правах личной собственности» господину Барчуку, чуть ли не единственный был обнесен двухметровым железным забором, только красной звезды не хватало и КП с часовым –

форменная воинская часть. Но одна стена у забора отсутствовала, на смежном участке громоздился длиннющий кран.

Оперативники торопливо обошли участок, пока не оказались с незащищенной стороны.

– Мужики, чего потеряли? – окликнул их ладный мужчина в телогрейке, с распаренным и обветренным лицом. – Тут не музей, может по голове так шлепнуть, что она враз с тапочками сравняется.

В говорившем не чувствовалось злобы или загнанной усталости. И Крячко ответил в тон:

– Мы верткие, в нас сразу не попадешь. Приехали глянуть, что у вас получается.

– Нормально. А вы кто такие, если не секрет? – Мужчина подошел вплотную, достал пачку «Явы», закурил. – Не угощаю, вы наши не курите. – Он взглянул на Гурова, угадывая в нем старшего.

– Прохожие мы, – усмехнулся Крячко. – Хотели домишко себе приобрести или построить. Да больно у вас тут все размашисто, нам бы поскромнее.

– Как быстро строите? – отодвигая Крячко в сторону, спросил деловито Гуров. – Вон тот домишко, к примеру, за сколько поставили? – И указал на четырехэтажный замок Барчука.

– Как понимать – «поставили», господин хороший? – Рабочий сильно затянулся, выщелкнул недокуренную сигарету. – Если фундамент, коробку под крышу и накрыть голый кирпич – это одно…

– Работаете в две смены, в три? – перебил Гуров.

– Как платят, так и работаем. – Строитель смачно сплюнул, собрался уходить. – Небось секретарем обкома служили? Так то время кончилось, надо денежки на бочку…

– Не плюйся, еще попить попросишь. – Гуров взял его за рукав, дернул на себя. – Сколько дней от нулевого цикла до последнего плафона? Вопрос понял?

Русский мужик всегда уважал силу, взглянул на Гурова с пониманием.

– Строитель?

– Вроде того.

– Сейчас все сменилось, не поймешь, я вроде сменного мастера. Семеном звать.

– Гуров. – Полковник пожал протянутую руку, затем перевернул пустой ящик из-под цемента, вынул из кармана газету, застелил, сел, указал Семену на место рядом. – Станислав, плесни мне чуток, зябко стало.

Крячко распорядился быстро, аккуратно.

– Тебе не предлагаю, Семен, у тебя служба. – Гуров ловко выпил, хрустнул огурцом. – Бригады постоянные, комплектуетесь в фирме?

– Так. – Семен кивнул и взглянул на бутылку в руках Крячко с сожалением.

– Налей человеку, только не светись, – сухо сказал Гуров, выждал, пока Семен выпил, и продолжал: – Так за сколько эту уродину поставили?

– Мы там не работали; когда мы фундамент клали, они отделочные работы начали.

– Что же вы, фундамент клали зимой?

– Копали осенью, потом перерыв сделали…

– Сезонных рабочих брали?

– Я же говорю, зимой стояли, тут пара сторожей ошивалась…

– Огляди подъездные пути. – Гуров кивнул Крячко, вновь повернулся к Семену. – Говоришь, все свои, знакомые?

– У них свои, у меня свои, ты, видать, с головой, соображаешь, каждый объект сколько людей требует?

– Понятное дело. – Гуров плеснул еще грамм по сто. – А заболеет кто, другой по пьянке не выйдет? Ты можешь пособника со стороны взять?

– У меня денег нет, чтобы из своего кармана платить. – Семен отодвинул стакан, затем не удержался, выпил и поднялся. – У нас с этим строго. Вчера на свадьбе был, оттого и позволил.

– На воздухе вмиг оттянет. – Гуров убрал бутылку и стаканы, свою порцию незаметно вылил. – Вижу, организовано у вас серьезно.

– Так тут каждая бригада сама по себе. Никто не знает, сколько соседу платят.

– Вижу, не обижают.

– Думаю, не обижают, народ кругом трезвый, за место держатся. Капитализм в действии.

– И со стороны не берут? – вновь спросил Гуров.

– Растрепался с тобой, спасибо за угощение. – Семен кого-то увидел или сделал вид, что увидел, и заспешил к крану.

Как писал следователь Гойда, у основания этого крана и нашли винтовку. Гуров сидел почти на месте стрелка. Кирпичная собственность вице-премьера громоздилась практически рядом. Сыщик понимал, что такое ощущение возникало из-за размеров дома. Сейчас веранда была закрыта, жалюзи опущены, поверху еще витиеватая решетка. В общем, условия для стрельбы неважные. Ну, в тот вечер окна были открыты, жалюзи раздвинуты, хотя погода рассиживаться на веранде никак не располагала. Люди вышли на веранду якобы на несколько минут, хозяин хвастался обустройством и вывел одного из гостей под пулю. А решетка-то довольно густая и наверняка не съемная, сквозь такую помеху

может только настоящий мастер стрелять.

Подошел Крячко, тоже взглянул на дом и веранду, сказал:

– Для снайпера смешное дело. – Он повернулся к крану. – Шоссейка, по которой мы подъехали, огибает строительство и вскоре возвращается на Дмитровку. А в принципе сюда подъехать и уехать можно по-разному. Машину можно оставить за любым поворотом, у брошенной бытовки, неработающего крана.

– Спасибо, ты настоящий сыщик. – Гуров кивнул на рюкзак с посудой и закуской: – Сидор возьми, и пошли, а то мы слишком долго тут светимся.

– Один выпей, другой убери, все по справедливости.

– А где ты встречал, чтобы все по справедливости? – удивился Гуров.

– В дом не пойдем? Так зачем мы сюда пилили?

– За вдохновением, Станислав. – Гуров широко зашагал по вязкой земле, выбрался на шоссейку, начал топать, пытаясь стряхнуть с сапог грязь.

Крячко подобрал обрывок газеты, зашел в лужу, аккуратно обмыл сапоги.

– Багажник у моего автомобиля не примет твою обувку. Придется тебе ее в руках до Москвы везти.

– Тиран и собственник, – тяжело вздохнул Гуров, шагнув в лужу, и последовал примеру товарища.

Глава 2

Финансист, президент коммерческого банка Виктор Михайлович Якушев, сидя за фигурным столом своего офиса, разговаривал по телефону, точнее, слушал абонента, кисло морщился, даже положил телефонную трубку на стол, вытер

платком вспотевшую ладонь, взял трубку и, прерывая собеседника, сказал:

– Чушь собачья, даже слушать не желаю. – И положил трубку.

Якушеву было под сорок; холеный, элегантный, почти всегда спокойный, он был обыкновенным русским гением. Это все враки, что в России гениев больше нет, что их извели вконец. Гениев на шарике разбросано довольно равномерно, но вот рождаются они редко. Музыканты, художники, скульпторы и врачи. Якушев родился финансистом. Задержись перестройка на десяток лет, и сидеть бы ему безвылазно в остроге, так как неуемная страсть делать деньги была в нем сильнее остальных чувств. Соловья можно убить, но не петь соловей не может. То ли земля под Россией повернулась вовремя, то ли Витька Якушев родился в самый раз, но к сорока годам он получил все условия для удовлетворения своей страсти. Гениев не любят, что, собственно, закономерно. Признавая человека гением, сам, грешник, автоматически превращаешься в пигмея. Кому приятно? Карузо – ладно, Пушкин – Бог с ним, они своим существованием не унижали, хотя бы потому, что уже померли. Но без арий и поэм может легко прожить подавляющее большинство человечества, жить и не ежиться. Деньги нужны всем, каждому абсолютно. И если некто умеет делать деньги в сто, тысячу раз быстрее и легче, то такой факт многих раздражает.

Якушев обо всем этом был прекрасно осведомлен, способности свои тщательно скрывал, о его состоянии ни один человек, тем более мать с отцом, даже не догадывались.

Офис Якушев себе построил шикарный, не забыв предупредить художника и архитектора, чтобы все было по самому высшему классу и при этом ни в коем случае не бросалось в глаза. Только настоящий знаток мог оценить количество и качество мебели и прочий неброский интерьер помещения, звукоизоляцию, упругость покрытия под ногами.

За подковообразным столом хозяина, почти в углу, стояла статуя девушки, казалось, она смотрит в окно и одновременно лукаво поглядывает на присутствующих. Мраморная прелестница стоила миллионы долларов, но большинство посетителей Якушева не обращало на скульптуру внимания; кто и замечал, считал статую блажью хозяина, его данью моде и преклонением перед Западом. Однажды французский банкир отвлекся во время беседы, отошел к окну, глянул на мраморную девицу мельком, и постепенно улыбка исчезла с его тонких губ, он взглянул на статую внимательно, нагнулся, даже присел, чтобы

получше рассмотреть клеймо автора.

Через год многие, очень многие иностранцы знали, что в кабинете господина Якушева стоит подлинная статуя одного из учеников Микеланджело Буонарроти, статуя входит в каталог такой-то, а цена ее вот эдакая.

Якушев был гений и умел делать деньги. Русский рынок был дик, непредсказуем, сильно смущал финансиста, но другой родины у него не было, а он и раньше знал, а недавно вновь убедился, что будь то Рим, Париж, Берлин, везде едино – финансист без корней, эмигрант в первом поколении, в лучшем случае второй сорт. А для Якушева существовал лишь один сорт – высший, он же и единственный.

Финансист продолжал сидеть за столом. Состоявшийся разговор по телефону вывел Якушева из себя. Он был лучшего о себе мнения… Позвонил секретарь, Якушев нажал кнопку, пригласил войти.

Массивная дверь приоткрылась, девушка вошла бесшумно. Негромко, но отчетливо сказала:

– Виктор Михайлович, вас хочет видеть сотрудник милиции. Я сказала, что существуют приемные часы, но он настаивает.

Якушев вновь бросил недовольный взгляд на телефонный аппарат, словно он и был виновником сегодняшних бед, заставил себя улыбнуться и саркастически произнес:

– Ну, если господин пристав предлагает садиться… Просите.

Якушев был не только гениальный финансист, но и опытный психолог. Человек вошел не сразу, дверь успела закрыться, значит, милиционер не топтался рядом, а читал, сидя в кресле, или стоял у окна.

Одним взглядом хозяин оценил и осанку гостя, и великолепную фигуру, и костюм, не новый, но отлично вычищенный и отутюженный, туфли не люкс, но достойные, носки и рубашка в цвет.

– Полковник Гуров. – Он поклонился, а так как освещение в кабинете не давало вошедшему сразу увидеть лицо хозяина, то сыщик на Якушева и не посмотрел, а оглянулся вокруг. – О вашем кабинете, Виктор Михайлович, наслышан. Редкий случай, когда люди сплетничают не зря. А вот знаменитую девушку у окна оценить не смогу – не знаток.

Якушев не собирался выходить из-за стола, но был вынужден, так как полковник не приближался, ждал.

– Здравствуйте… Лев Иванович, кажется? – Якушев обогнул крыло стола, протянул руку.

– Лев Иванович. – Гуров пожал хозяину руку. – Вроде того.

Якушев отодвинул одно из стоявших перед столом кресел, нажал на педаль, выдвинулся сервированный для кофе столик.

– Присаживайтесь, господин полковник, – указал он на кресло.

– Благодарю. – Гуров взял хозяина под руку, помог сесть, сам занял место напротив, лицом к двери.

– Ловок, ценю, – рассмеялся Якушев, пытаясь сохранить тон превосходства хозяина, принимающего гостя, который пришел без предупреждения.

– Простите, вы давно были знакомы с покойным? – спросил неожиданно Гуров.

– Нет, почти не были, хотя оба занимались деньгами. Вы, конечно, читали протокол моего допроса и не станете начинать сначала?

– Дело я получил позавчера, просмотрел, но не читал, плохо разбираю чужой почерк.

– Значит, я с вами намучаюсь.

– Обязательно.

– А если я откажусь повторно отвечать на одни и те же вопросы? – Якушев не сдержался и постучал холеными пальцами по инкрустированному столику.

Чашка тончайшего фарфора мелодично зазвенела. Гуров передвинул чашку, впервые посмотрел хозяину в глаза, улыбнулся:

– Это вряд ли, уважаемый Виктор Михайлович. Не имело смысла демонстрировать оборудование, – указал он на столик. – Столь изящный сервиз и так пошло прерванный разговор.

Якушев разлил по чашкам кофе, налил до половины коньяку в пузатые рюмки, приподнял свою и сказал:

– Здоровья и со знакомством. Приятно встретить столь интеллигентного и уверенного человека.

– Здоровья, – кивнул Гуров, пригубил коньяк. – А знакомство одностороннее. Я вас, Виктор Михайлович, больше года знаю. Впервые услышал о вас сразу после заказного убийства Михаила Михайловича Карасика, затем обратил на вас внимание, когда вы улетели из Москвы непосредственно перед покушением на господина Бисковитого, да еще перед этим застрелили депутата Сивкова.

– Выходит, я крупный мафиози, – усмехнулся Якушев, но голос коммерсанта не вязался с усмешкой.

– По-настоящему крупный вы финансист. В остальных видах своей деятельности вы обыкновенный дилетант, однако человек умный, потому я к вам пришел к первому. Дураки, признаюсь, утомительны.

– К черту, полковник! Ни о каких убийствах мне не известно… – Якушев смешался. – Конечно, известно, только я не имею к ним никакого отношения. И мне странно слышать, когда столь опытный сыщик упоминает о недоказуемых делах годичной давности.

– При знакомстве принято обмениваться визитными карточками. Данный офис, ваши счета в банке – ваша визитка. Моя визитка, сыщика, лишь его знания.

– Предположения, точнее, фантазии.

– Кто конкретно и когда пригласил вас в гости к Барчуку?

– К Барчуку? – Якушев зябко передернул плечами, допил коньяк. – Ужасный дом, фантасмагория, в нем невозможно жить. Сначала позвонил Олег. – Он пояснил: – Еркин Олег Кузьмич. Он…

– Простите, знаю.

– Так вот, Олег спросил, не соглашусь ли я в мужской компании обмыть это страшилище, именуемое домом. Я согласился; тогда позвонил Барчук и пригласил официально.

– А почему вы согласились, коли были едва знакомы?

– Во-первых, я мало был знаком с убитым, во-вторых, приходится бывать не только там, где желаешь. Любишь кататься – люби и саночки возить.

– Вы на веранде фотографировались.

– Мы фотографировались во многих местах данной обители.

Гуров достал из кармана блокнот и ручку, нарисовал стрелку, пояснил:

– Стрелка указывает на окна. – Он поставил четыре крестика в ряд, один поодаль. – Чуть в стороне человек с фотоаппаратом. Не откажите в любезности, пометьте, кто где стоял. – И протянул хозяину блокнот и ручку.

Якушев отодвинул чашку, рюмку и вазочку с печеньем, положил блокнот и задумался. Он прекрасно помнил, кто где стоял на веранде, когда внезапно упал заместитель министра. Якушев вспоминал, когда в последний раз он, всесильный миллионер, молча и беспрекословно, главное, совершенно бездумно слушался другого человека. Ясно, полковник не блефует, знает точно, что и самовлюбленный Сивков, и глупый Карасик убиты по указаниям и за деньги финансиста Якушева. Сыщик все знает давно, доказать ничего не может.

– Не думайте о глупостях, Якушев, – сказал Гуров. – Я назвал Сивкова и Карасика не для того, чтобы вы решали, каким способом от меня избавиться.

– Шантаж?

– Возможно. Вам звонили вчера или сегодня?

Якушев понял, о каком звонке спрашивает полковник, отвечать не собирался, а как можно беспечнее пожал плечами, усмехнулся:

– Мне звонят сотни людей в день.

– Я редко задаю вопросы без серьезных оснований. Вы человек умный, думайте. Хочу вам напомнить, что о Сивкове и Карасике и покойном Галее знает еще один человек из контрразведки. И моя жизнь, которую, кстати, крайне трудно отнять, ничего не решает. Вас нельзя посадить на скамью подсудимых, но уничтожить как банкира и крупного бизнесмена очень даже возможно. Я воевать с вами не собираюсь, но контрразведке найти ваших противников – или деловых партнеров? – труда не составит, а они не следствие, не суд. Для них материалов о ваших связях с покойным киллером будет более чем достаточно. Правда, материалы против вас хранятся у меня, а не у контрразведчиков.

– Что вы хотите?

– Помощи. Я не вербую людей силой и на компрматериале, но вы излишне самовлюбленны и горды по-плохому.

– Не воспитывайте меня, господин милиционер.

– Господин миллионер, я просил вас пометить на листочке, кто где стоял, когда застрелили Скопа.

Якушев быстро написал против каждого крестика фамилию. Гуров смотрел на листок довольно долго, затем спросил:

– Вы вышли на веранду, окна были открыты?

– Открыты. Было прохладно, но хозяин сказал, мол, рамы свежепокрашены.

– Вы встали, хотели сфотографироваться… Местами не менялись?

– Я стоял на месте, мне бесконечные снимки надоели. Кто-то толкался, маленький Еркин не хотел стоять рядом с высоким Яшиным. Впрочем, не уверен.

– Проверим. – Гуров убрал листок в карман. – У меня к вам большая просьба, Виктор Михайлович… – Но в голосе Гурова никакой просьбы не звучало, и Якушев мгновенно это почувствовал.

– Упомянув об убийствах, вы решили, что можете шантажировать меня, хотите начать…

– Я сказал – просьба, Виктор Михайлович, – безразлично произнес Гуров. – Насколько мне известно, эти люди считаются с вашим мнением. Позвоните каждому из них, посоветуйте принять меня без всяких штучек-дрючек, без ссылок на занятость и прочее вранье.

– С Еркиным и Барчуком будет несложно, мы связаны деньгами, а Яшин, как я понимаю, человек с норовом, работает в охране Президента. Не знаю.

– Вы позвоните, там посмотрим.

– Я завтра должен лететь в Цюрих.

– Надолго?

– Два-три дня.

– До того как увлеклись фотографией, вы обедали?

Якушев взглянул недоуменно, кивнул:

– Ну, ели что-то, выпили.

– Сидели за одним столом или разбились на группы?

– Нас всего было шестеро. – Якушев не понимал смысл вопросов и раздражался.

– Значит, двое могли сесть в сторонке и поговорить о своем.

– Насколько я помню, все находились за столом, когда пили кофе, хозяин принес фотоаппарат.

– Вы были выпивши?

– С чего это? Я никогда не бываю выпивши.

– Врете, да Бог с вами! Но если в вечер убийства вы были абсолютно трезвы, то почему употребляете выражение «насколько я помню».

– Не придирайтесь, у меня просто такое выражение.

– Опять врете. – Гуров хотел вывести хозяина из равновесия. – Такой человек, как вы, лишних слов не употребляет.

– Я сказал, что завтра улетаю в Цюрих.

– Меня это не касается. Деловые разговоры за столом велись?

– Не без этого. – Якушев пожал плечами.

– Виктор Михайлович, сосредоточьтесь и скажите ваше мнение. Люди собрались туда виллу посмотреть и отдохнуть или у кого-то была цель? Например, встретиться с определенным лицом, обсудить серьезный вопрос, обратиться с просьбой?

– Вы неправильно понимаете взаимоотношения деловых людей. Определенные задачи были у каждого, даже у меня. Но каждый решал свои вопросы по-своему и по обстановке.

– Спасибо, что просветили. Хорошей погоды и счастливого пути. – Гуров поднялся, оглядел кабинет. – Здорово, очень красиво и удобно, вы, безусловно, очень умный человек и не станете совершать необдуманные поступки.

– Что вы имеете в виду, черт побери? – Якушев тоже встал, шагнул к дверям. – Мне не нравится ваша манера как бы между прочим ронять упреки.

– Не нравится? Факт вашей биографии. Запомните: если вам позвонит неизвестный и попросит крупную сумму денег, а вы данный факт от меня скроете, то сделаете первый шаг из данного офиса в небытие.

Крячко сидел за рулем своего «Мерседеса», ждал Гурова. Когда Гуров вернулся и молча сел рядом, Крячко ничего не спросил. И так как маршрут был оговорен заранее, поехал с Полянки, где находился офис Якушева, на Петровку. Гуров хотел взглянуть на винтовку убийцы и поговорить с экспертами.

– Если тебе интересно, могу сообщить: мужик он головастый, что-то скрывает; и неудивительно, у такого человека должны быть секреты.

– Как у сучки блохи, – ответил Крячко. – Надеюсь, ты не осуществил свою безумную идею и не вспомнил смерть Карасика и Сивкова?

– Вспомнил. Обязательно.

Крячко так обомлел, что встал на желтый свет.

– Ты оборзел, на что же ты рассчитывал?

– Хочу слегка подвербовать и вынудить на нас поработать, – ответил Гуров. – Ты знаешь, я против силового давления, но с Якушевым иначе невозможно.

– Он заказчик двух убийств.

– Догадки, не более того. Он финансовый туз, остальное бред нашего сыщицкого воображения. Потом, я же не собираюсь брать с него подписку, присваивать псевдонимы, заводить дело, ставить на учет. Пусть бегает, комбинирует,

ворочает своими миллионами, но знает: есть люди, подсчитывающие его ошибки, возможно, преступления.

– Он улетит, и с концами.

– Баба с возу… Одним покойником здесь будет меньше.

– Я не говорю, что ты свихнулся, так как в спорах с тобой выигрываю редко. Но ты сам посуди, таких богатых людей не убивают. Миллиардеров шантажируют, крадут с целью выкупа, даже, случается, пытают, чтобы получить деньги немедленно, но никто не убивает золотого тельца.

– Возможно, ты и прав, – неохотно согласился Гуров.

Крячко въехал между стоявшими у ГУВД машинами, чуть не поцарапав «Волгу» с милицейским «галстуком». Из нее высунулся капитан и обложил Крячко трехэтажным матом.

– Я по-русски не понимаю. – Крячко вылез из-за руля, ждал, пока Гуров тоже выйдет и захлопнет дверцу со своей стороны.

– Сейчас объясню, вмиг поймешь! – Капитан тяжело выбрался из-за руля. – «Мерс» засранный приобрел, думаешь, и власть твоя?

Крячко поскучнел лицом, глянул на Гурова, но тот любовался стоявшей церквушкой, словно увидел впервые, а не ходил мимо десяток лет да не один раз.

Капитан был служивый, сообразил, кто водила, а кто хозяин, и что хозяин встревать в ссору не намерен, значит, не велика птица.

– Да ты датый здорово, документы! – распалялся капитан.

Гуров стоял в двух шагах, чувствовал амбре от капитана, который, видно, вчера выпил, сегодня потушил похмелье пивом, и старому сыщику стало тоскливо. У здания Главного управления милиции столицы, средь бела дня, нетрезвый сотрудник милиции хамит, сейчас попытается получить взятку, и ничего с этим

не поделаешь. Конечно, он, полковник, способен сделать с капитаном многое. Но на его месте может оказаться любой гражданин. О каком авторитете милиции мы говорим?

– Товарищ капитан, да этот «мерс» числится в угоне! – На помощь капитану подбежал старшина.

Гуров нагнулся, выдернул из замка зажигания «Волги» ключи, опустил в карман, предъявил свое удостоверение.

– Я иду в научно-технический отдел, если ваше начальство торопится, пусть найдет меня. А нет, так ждите здесь. – Гуров кивнул Крячко и зашагал к подъезду.

Старшина, который, судя по всему, был абсолютно трезв, чувствовал себя увереннее, догнал Гурова, схватил за рукав.

– Удостоверение разверните, красная книжечка у каждого имеется. Я при исполнении. – И начал хвататься за кобуру.

Гуров коротко ударил старшину ребром ладони по бицепсу, рука повисла пустым рукавом; полковник вновь вынул удостоверение, развернул, поднес к самому носу.

Гуров заранее предупредил о своем приезде, всегда занятый эксперт принял полковника сразу. Винтовка, из которой был убит вице-премьер, лежала на столе. Пришел и начальник НТО, некогда знавший Гурова и Крячко, встретил сослуживцев избитой милицейской фразой:

– Такие люди и без охраны! Приветствую орлов-сыщиков! Какие вопросы к скромным труженикам науки?

– Привет, Алексей. – Крячко пожал руку начальнику, кивнул эксперту. – Вопрос всегда один: где убийца?

– Станислав, – одернул друга Гуров, – в этих кабинетах люди всегда заняты, некогда ля-ля разводить.

– Для дорогих гостей несколько минут найдем.

– Спасибо. – Гуров кивнул, указал на винтовку: – Что вы можете рассказать об этой штуке? Документы я читал.

– Это карабин, СКС, находится на вооружении у спецназа, – пояснил начальник отдела.

По взгляду, которым эксперт наградил своего начальника, Гуров все понял. Если сыщики хотят выжать из орудия убийства максимум, следует от начальника любыми способами избавиться.

Распахнулась дверь, и в лабораторию ввалился полковник милиции в шинели и папахе.

– Господин полковник, вы табличку на двери видели? – вкрадчиво спросил начальник НТО.

Гуров сунул ключи от «Волги» Крячко и пробормотал:

– Станислав, убери их всех отсюда.

– У меня работа, я опаздываю! – закричал полковник, но из лаборатории, на которой красовалась табличка «Вход воспрещен», вышел. – А какая-то крыса из министерства…

Крячко шагнул через порог, потянул за собой начальника отдела, прикрыл дверь и гаркнул:

– Смирно! Снимите папаху, господин полковник, или вы ее больше никогда не наденете!

Гуров подмигнул эксперту, указал на дверь, зашептал:

– Сейчас будет цирк.

Крячко владел техникой разносов в совершенстве. Главное – тон, безапелляционность и скорость слов в единицу времени. Смысл слов значения не имеет, он даже мешает, так как дает возможность для контрответа.

– В папахе в здании ГУВД могут находиться лишь три человека: начальник управления, министр и его первый заместитель. Вы слышите? И никто более! – Крячко нес полную чушь.

Шаги и голоса в коридоре удалялись. Крячко было уже едва слышно: «Ваши ключи, и молите Бога…»

– Он большой начальник? – спросил у Гурова эксперт.

– Обязательно. Простите, как ваше имя?

– Александр.

– А я Лев Иванович. – Гуров осторожно взял карабин. – Саша, как специалист, что вы можете сказать об этом оружии? В данный момент вы даете неофициальное заключение, можете высказываться предположительно. Например, из данного карабина часто стреляли?

– Не думаю.

– Хозяин ухаживал за ним, часто чистил?

– Карабин тщательно чистили непосредственно перед выстрелом. Может быть, я скажу глупость, но мне кажется, что стреляла женщина, причем женщина физически очень слабая.

– Давай-давай, – одобрительно сказал Гуров. – Чем парадоксальнее, тем мне интереснее.

– К данному выводу меня подталкивают два момента. Спусковой механизм обрабатывался напильником вручную и доведен до такого состояния, что

достаточно лишь тронуть спусковой крючок, как раздастся выстрел, то есть никакого усилия не требуется. Стрелять из такого оружия крайне сложно, требуются определенные навыки. Обычно в момент прицеливания указательным пальцем выбирается свободный ход, и только когда цель на мушке, курок выжимается. При этом усилии новичок дергает руку и мажет. Отстреливая данный карабин, я совершил два непроизвольных выстрела, пока не понял, в чем дело. В момент прицеливания вообще не следует держать палец на спусковом крючке, и лишь когда прорезь, мушка и мишень совпали, положить палец на крючок, его вес достаточен, чтобы произвести выстрел. Многие оперативники подтачивают «макарова», уж больно у него тугой спуск. Но здесь, – эксперт огладил карабин, – все выполнено до предела, словно стрелять будет ребенок или очень слабая женщина.

– Интересно, очень интересно, – одобрительно сказал Гуров. – Чувствую, Александр, у вас имеются и другие соображения.

– Скорее предположения, Лев Иванович, – неуверенно произнес эксперт. – С одной стороны, это не факт, с другой – неизвестно, имеет ли мое предположение какое-либо отношение к роковому выстрелу.

– Смелее, выкладывайте, затем решим, что к чему имеет отношение. – Гуров чувствовал неуверенность эксперта, поощрительно улыбнулся. – Вся сыскная работа основана на предположениях, чудовищных по своей несуразности.

Эксперт вновь огладил карабин, пожевал губами.

– Вот, на ложе имеется вмятина, в этом месте обычно карабин поддерживают левой рукой в момент прицеливания и стрельбы. Так вы можете не увидеть, проведите кончиками пальцев, а лучше я вам лупу дам.

Гуров осмотрел в лупу указанное место и увидел на полированном дереве небольшую вмятину.

– Вижу, ну и?.. – Гуров пожал плечами. – Могли ударить об железку.

– Это вряд ли, – сказал эксперт и с удовлетворением взглянул на расхохотавшегося Гурова. Откуда молодой парень мог знать, что произнес одну из любимых фраз полковника?

– Извини, коллега. А почему не могли ударить?

– В случае удара повредили бы лак, а здесь вмятина. Чтобы так промять жесткое дерево, нужны тиски. Обратите внимание, Лев Иванович. – Эксперт осторожно перевернул карабин. – На обратной стороне аналогичная вмятина. Мое предположение: карабин зажимали в тиски, предварительно обернув фланелевой тряпочкой. Не хотели царапать дорогую вещь. Поэтому я и полагаю, что зажимали карабин не во время стрельбы. Ведь убийца знал, что после убийства карабин выбросит, так ему все равно, будут на ложе царапины или не будут, поэтому фланельку он подкладывать не стал.

Эксперт взял одну из пробирок, стоявших в штативе, взглянул на свет, показал Гурову.

– Несколько волосков, которые я обнаружил на карабине именно в месте сжатия. Установлено: волоски от ткани типа «вельвет», у меня где-то и артикул записан.

– Молодец, очень хорошо, – сказал Гуров, проникаясь к эксперту искренней симпатией. – Возможно, из этих волосков и суп сварим. Продолжаем фантазировать. Допустим, что, готовя убийство, карабин закрепили в тисках, но ведь тиски тоже надо пришпандорить к чему-то. – Он прекрасно помнил махину подъемного крана, к которому можно было привинтить не только карабин, а и противотанковое ружье. – Значит, от тисков должен отходить металлический стержень, а на его конце тоже тиски либо другое крепление. Как ты такую железку представляешь? Нарисуй.

Остро отточенным карандашом эксперт начертил простое крепление, пояснив:

– Вот тиски, которые держат карабин; от тисков отходит металлический палец длиной сантиметров тридцать, на его конце скобы типа щипчиков для сахара и винт с ушками; поворачивая уши, можно зажать такую штуковину насмерть. – Он пририсовал и карабин, а чуть в отдалении – голову человека с рожками. – Карабин можно нацелить заранее; как чертик появится, стоит спусковой крючок тронуть, и организуется покойник. Простенько и со вкусом.

– Умница, только рожки ты не тому нарисовал. Рожки над карабином торчат, а не над пулей.

На обратном пути от Петровки до министерства Крячко возмущенно рассказывал, каким гнилым оказался полкаш, с чьей «Волги» они забрали ключи.

– Я вышел с ним на улицу, не поленился, хотел сказать несколько слов мордатому капитану. Того и след простыл; водителем оказался шустрый старшина. Капитан якобы не из их подразделения, просто попутчик. Ты видел, чтобы капитан просил полковника подвезти? Да еще сидел в машине, покуривая?

– Ладно, Станислав, пока ты занимался воспитательной работой, я кое-что интересное выяснил, – перебил возмущенного друга Гуров.

– Тебе хорошо! – не унимался Крячко. – А эта папаха мне четыре новеньких баллона предлагал. На цену не плюнешь, практически задаром. Взятку совал, чтобы мы лишнего не болтали. Тебе, с твоей окаменевшей улыбочкой, взятку может только душевнобольной совать. А такой харе, – он оттянул тугую щеку, – каждый норовит в душу плюнуть.

– Да успокойся! Твоя внешность лишний раз подтверждает, что она не у каждого человека соответствует содержанию.

– Философ! – Крячко проехал на желтый свет и погрозил кулаком гаишнику, который стоял к ним спиной. – А ты знаешь, как мне новые колеса нужны? А сколько они для моей тачки стоят? Да мне до исподнего надо раздеться, чтобы купить.

– Не переживай, не взял взятку сегодня, возьмешь завтра.

– Не было там взятки, нет состава, принял подарок за просто так. Ладно, черствая твоя душа, рассказывай, что ты в лаборатории раскопал?

Сыщики сидели в своем кабинете напротив друг друга. Дурашливая беспечность исчезла с лица Крячко, он смотрел хмуро, даже озлобленно.

– Это как понять? Нам предлагается что-то новенькое?

– К чему нам новенькое, когда со стареньким в дерьме по уши?

– Ну, что ты по данному поводу думаешь?

– Свои мысли я знаю, интересно услышать твои соображения.

Крячко состроил кислую рожицу, пробормотал:

– Вроде давно распределено: я бегаю, ты руководишь. Надоело штаны просиживать – давай поменяемся. Я думаю, – он повертел у виска пальцем, – данное убийство выполнено не киллером. Если такая железка существует, ее соорудил не стрелок. С пятидесяти метров в человека из винтовки с оптическим прицелом даже я не промахнусь.

– Хорошо, дальше, – ободрил учительским тоном Гуров.

– Этот человек стрелять не умеет, но мозги у него работают исправно. А чего ты еще хочешь?

– Чтобы ты думал, Станислав. Ты отличный сыщик, но в последнее время обленился. Ты хорошо соображаешь, когда рядом нет меня. А находясь со мной, думать ленишься, мол, чего напрягаться, Лева доработает.

– Хвастун.

– У меня есть и другие недостатки. Хорошо, подтолкну лентяя. А зачем убийца свою систему разработал? Оставил бы все как есть, какая разница?

– Чтобы сбить со следа, – быстро ответил Крячко.

– Ну, при твоей версии след короткий, по нему далеко не пробежишь. Устроил упор, кстати, ты заметил на меже участков крохотный подъемный кран, там без всяких приспособлений было обо что опереться. Но убийца пошел на дополнительный риск, развинтил крепления и только после выбросил карабин. Значит, для него было очень важно, чтобы никто не догадался, что карабин находился в креплении. Надо снова ехать на дачу.

– Верно, следов там никаких изначально не оставлено, слишком жидкое месиво под ногами, а вот найти крепление можно. Убийца систему разработал, карабин в одну сторону бросил, крепление в другую, там строительного мусора до и больше, никто и внимания не обратит.

– Тебя тряхнуть, так из тебя идеи, как из дырявого мешка, сыплются. Утром и поедем, но к крану не подойдем, железку будем искать не мы. Если убийца увидит, что менты что-то ищут, он может насторожиться, а нам это ни к чему. Попросим мы Мишку Захарченко, помнишь такого?

– Забыл! – огрызнулся Крячко. – Когда ты начинаешь из себя профессора изображать, мне тебя стукнуть хочется.

– А бывает? – Гуров подвинул телефон, начал набирать номер. – У него вид босяцкий, приблатненный, на него и внимания не обратят.

– Ты такой неродной бываешь, только Петр и я терпеть можем, остальные люди тебя терпеть не переваривают. Ты самую простую мысль можешь произнести таким тоном, что ясно, вот человек, он мыслит, а остальные – так, прохожие, на чашку чаю зашли без приглашения.

– Не топчи, ботинки изотрешь, – усмехнулся Гуров, но было видно, слова приятеля задевают, даже скребут. Он поднял палец, давая знак, что соединился, и хрипло спросил: – Мишаня, ты? Во повезло, с первого захода попал. Не узнаешь? – И уже нормальным голосом продолжал: – Здравствуй, Михаил, здоровье в норме?.. Молодец, верно подметил, давно не виделись. Друзья жить не мешают?.. Что?.. Ты трезвый?.. Может, ты не один и тебя слушают?.. Точно-точно? Сам видел?.. Ну, раз за руку здоровался, так верю. Я к тебе по другому делу, но раз так, тем более свидимся. Ты где работаешь?.. Ну, не важно… Поутру к «Варшаве» подскочить можешь?.. Мне без разницы, главное, чтобы тебе удобно… Тринадцать? Жду!

Гуров положил трубку, но руки от аппарата не отнимал, в глазах у него металась сумасшедшинка.

– Ну что? Что? Говори, мать твою! – Крячко шарахнул кулаком по столу.

– Галей… Борис… Сергеевич, – с трудом выговорил Гуров и уже обычным тоном продолжал: – Галей Борис Сергеевич, живой и здоровый, вернулся домой, живет в собственной квартире с родным братом Александром. Плющиха гуляла неделю. Галей рассказывает, мол, пребывал в далеком далеке, так как ментовка на него чужие трупы вешала. Сейчас, мол, все выяснилось, невиновность его установлена, он в законе, открывает свое дело.

– Какое дело, господи? Прошлой осенью мы Галея автогеном вырезали из его «шестерки».

– Ты тело видел?

– Нет, конечно, мне покойники неинтересны. Ты полагаешь, что полковник контрразведки Ильин инсценировал смерть Галея и киллера такого класса оставил в живых? Заслал его в Тьмутаракань до лучших времен, теперь расконсервировал?

– Не думаю, – ответил Гуров. – На строительство версии материала не хватает. Можно лишь гадать да прикидывать. Раз «горячий» «вальтер» в прошлом году, ранее принадлежавший Галею, сунули в руки Ионе Доронину, значит, от услуг Галея отказались. Если от киллера отказываются, его уничтожают. И по дошедшим до нас сведениям, ребята из контрразведки обнаружили тело Галея в принадлежавшей ему машине, которая врезалась в опору моста. Таковы факты. Теперь, как я уже говорил, начинаются предположения. Галея решили сохранить, подсунули труп постороннего. Я не верю, что опытный разработчик полковник Ильин мог оставить киллера в живых. Это равносильно тому, что положить во внутренний карман гранату и рассчитывать, что чеку никогда не выдернет. Киллер, сорвавшийся хоть раз, уже непредсказуем.

– Можно подумать, что ты всю жизнь работал с киллерами. – Крячко был с другом согласен, возражал из желания повздорить.

Гуров на провокацию не поддался, даже подмигнул:

– Брось, Станислав, в колоде только четыре масти, и мы работали со всеми, до сотрудничества с киллером не докатились, надеюсь, что и не докатимся.

– Не зарекайся!

– Верно, стопроцентную гарантию дают только сопляки. Контакт с киллером я не исключаю хотя бы потому, что можно работать с человеком и не знать его истинную суть. Вернемся на грешную землю. Полагаю, история с Галеем проста: его хотели использовать, но он стал опасен, и опытный Ильин разобрался в парне. Контрразведчики забрали у киллера «горячий» «вальтер», сунули его в видеокамеру, вручили Доронину; дальнейшее известно. А с Галеем решили дедовским способом: оглушили, усадили за руль собственных «Жигулей», вытянули подсос, врубили передачу и направили в мир иной. Машина разбилась, тело извлекли, дальше обыкновенное российское разгильдяйство. Галей пришел в сознание то ли в катафалке, то ли в морге, и дело замяли. Борис Сергеевич Галей человек обученный, опытный, отлежался где-то, возможно, и брат об этом знал, теперь объявился; у него наверняка и паспорт старый в порядке. А в местной милиции, где его сызмальства знают, он сказал, мол, меньше пить надо, мужики.

– Но убийство на даче не его рук дело, – сказал Крячко. – Галей теперь не скоро возьмет в руки оружие.

– Обязательно, – согласился Гуров. – Ему сейчас, после воскрешения из мертвых, надо первым делом свои отношения с контрразведкой урегулировать. Иначе они его быстренько в морг вернут. Ты представляешь, сколько он сейчас о наших незадачливых коллегах знает?

– Все это интересно, однако чужая головная боль. Чем занимаемся мы? – спросил Крячко.

– Разыскиваем убийцу заместителя министра Игоря Михайловича Скопа. Завтра у кинотеатра «Варшава» я встречаюсь со своим крестником Мишей Захарченко, даем ему задание поискать на стройке, недалеко от дачи вице-премьера Барчука, интересующую нас железку, а сами прибудем на данную дачу, познакомимся с обстановкой.

– Веранда пустая.

– Вот я и хочу убедиться, что она действительно пустая. – Настроение у Гурова заметно улучшилось, он даже начал насвистывать. – Понимаешь, Станислав, ни черта людям верить нельзя. Сообщают, что человек мертв, тело автогеном из машины вырезают. А человек жив-здоров! В протоколах записано, что веранда,

на которой замертво упал человек, абсолютно пуста, а мне сдается, что даже такой следователь, как Игорь Гойда, так ошалел от правительственных чиновников, что кое-что, очень даже важное, на веранде просмотрел.

– Ну, флаг тебе в руки и попутного ветра! И ты хочешь, чтобы я в твоем присутствии думал? – Крячко возмущенно развел руками. – Третью неделю грамма не разрешаешь выпить, и у меня мысль только одна.

– Вот если завтра при осмотре пустой веранды установлю, что она совсем даже не пуста, тогда вечером мы твою мысль обмоем.

Глава 3

На следующий день после убийства на даче вице-премьера, то есть примерно за неделю до описываемых событий, полковник Игорь Трофимович Ильин сидел за столом своего рабочего кабинета и пребывал в крайне сумеречном настроении. Убийство – уголовное преступление, и заниматься им должны прокуратура и уголовный розыск, а отнюдь не контрразведка. Однако с начальством не поспоришь, и, получив указание генерала, поручение прокуратуры, полковник собрал жалкие остатки оперативного состава отдела – основную часть забрали после убийства телеведущего, – провел инструктаж. И голос начальника, и лица подчиненных выражали полную безнадежность. В их глазах были тоска и абсолютное непонимание, чего же от них хотят? Так смотрит загнанный конь, пусть и отличных кровей, который уже давно перестал ощущать ожог хлыста. Побежать-то я побегу, но лишь дурак может ожидать, что измученное животное вернется на старт победителем.

Ильин лениво подвинул папку с неразобранной почтой. Было время, каждую газету прочитаешь от первой до последней строчки, а газеты кончались значительно раньше, чем рабочий день. Золотые денечки, каждый иностранец имеет номер, известный маршрут, вылизанные связи. Иностранцы – люди привередливые, посещают изысканные рестораны, контрразведчик кушает неподалеку, и еще неизвестно, кого с большим вниманием обслуживает официант – помощника посла солнечной Гваделупы или великого лейтенанта Пупкина.

Да, было время, только глянул – все дышать перестали, сегодня практически с рядовыми ментами сравнялись, по одним помойкам лазаем, ни чести тебе, ни уважения.

– Игорь Трофимович, – раздался из динамика голос выписывающей пропуска девицы. – К нам тут какой-то гражданин рвется. Документов у него нет и ведет себя шибко самостоятельно. Ваше имя-отчество называет.

Ильин собрался послать самостоятельного гражданина куда подальше, вздохнул тяжело и миролюбиво сказал:

– Девочка, если гражданину так приспичило, видно, невтерпеж. Скажи дежурному прапорщику, чтобы проводил ко мне.

Ильин отодвинул газеты, гадая, кто сейчас явится. Видно, кто-то из бывших стукачей освободился, паспорта нет, а справку показывать не хочется.

В дверь тихо постучали, затем приоткрыли, заглянул дежурный.

– Здравия желаю, господин полковник! Разрешите завести?

– Проси, – усмехнулся Ильин и так и остался с прилипшей к губам усмешкой.

Отстранив дежурного, в кабинет вошел Борис Галей.

Ильин хотел встать, вцепившись в подлокотники кресла, остался сидеть.

– Присутствовать? Или обождать за дверью? – спросил прапорщик.

Галей взглянул на опешившего полковника, спокойно повернулся к сопровождающему, не разжимая губ, произнес:

– Иди, сынок. Я с того света вернулся. Видишь, Игорь Трофимович переживает. – И закрыл за охранником дверь.

Галей, готовясь к предстоящей встрече с полковником, который приказал убить киллера, успокаивал себя, боялся сорваться и наделать глупостей, даже зашел в аптеку, купил валерьянки. Странно, увидев знакомое лицо с легким прищуром светлых глаз, прибитую сединой голову, непринужденно улыбнулся и неожиданно для себя сказал:

– Да не бери ты так к сердцу, Игорь Трофимович! Чего только в жизни не случается.

– Ну раз зашел, присаживайся, – взяв себя в руки, сказал Ильин. – Признаюсь, не ко времени, у меня без тебя забот уйма.

– Знаю, вчера к вечеру на даче большого начальника другого холуя застрелили. Пишут, выстрел был хорош, в центр лба залепили. Я хотел попозжее, где-нибудь через недельку, к тебе заглянуть. А новость прочитал, понял, следует явиться, засвидетельствовать почтение да сказать, что дело не мое. Рано или поздно, узнаешь, что Борис Галей живой, пошлешь своих пацанов обувку изнашивать. Ты знаешь, я винтовкой не пользуюсь, вообще цвет сменил. У меня после того, как я с того света возвернулся, к покойным эта, как ее, аллергия, во! Ты, полковник, запиши, в момент убийства этого лоха, где-то в районе девятнадцати часов, так газеты пишут, раб божий Галей Борис Сергеевич находился в кругу друзей и двух ментов из отделения милиции, которые отмечали его, Галея, возвращение в отчий дом. Чего не пишешь?

– Запомню.

– Во-во, у меня память отличная. Хотел я тебя закопать… – Голос у Галея сорвался, оттянуло в хрип, он тяжело сглотнул, достал пачку сигарет. – Вот курить научился, даже рюмку могу выпить, ведь знаешь, раньше со мной не случалось.

Ильин почувствовал, как сердце придавило; он пошарил в ящике стола, достал бутылку коньяку, сделал крохотный глоток.

– У! Да ты совсем плохой. Сосуды! Вот блядская жизнь, полковник! Чужими жизнями распоряжаешься как дерьмом! А свою сохранить – проблема! Ты брось, береги себя, я на тебя серьезные виды имею. Опять же мне обида, коли я тебя не сам кончу, а ты от дряхлого сердчишка завалишься.

Ильин еще раз глотнул из бутылки, убрал в стол, заставил себя подняться из кресла, даже прошелся по кабинету. Оказавшись за спиной Галея, с ненавистью взглянул на его затылок. Галей угадал мысли полковника.

– Некачественно твои пацаны сработали, поленились вывести из машины, в салоне ударили, а замаха-то нет, да и удар чуть выше положенного места пришелся, потому и живой, – спокойно, несколько задумчиво произнес Галей.

– Халтурщики, простого дела не выполнили, – в тон Галею сказал полковник и вернулся на свое место. – Теперь с тобой мороки не оберешься.

– Господин полковник, давайте расставим все точки над «ё»! – Галей перешел на «ты», заговорил деловито. – Я от власти не борзею, меру знаю, мне такой умный и могущественный противник не нужен. Вам известно, я вашу школу закончил, опыт страховки имею, потому вы меня тронуть никак не можете.

– Твои дела не доказываются, мои тоже не доказываются. – Голос Ильина набрал силу.

– Верно, они в суде не доказываются. Но для служебного расследования и увольнения без выходного пособия на вас, Игорь Трофимович, вполне хватит. Я материал по разным норкам рассовал, вам все не разыскать. Да и людей у вас таких, кому бы вы могли довериться, нет и быть не может. Так что ежели я под троллейбус случайно попал, то телеги на вас в тот миг и поехали. И не вашим засранным генералам, которые, оберегая себя, вас спасать начнут, а в такие места, где на моем материале вмиг из полковника Ильина героя всея России сделают, да и за пределами прославят. Все, Игорь Трофимович! Я не угрожаю, и больше вы от меня ни одного непочтительного слова не услышите. Шантаж – дело крайне опасное, мне ведомо.

– Так что ты хочешь? – Ильину еще не терпелось хлебнуть, но он удержался.

– А ничего, живут люди, каждый сам по себе и друг друга не трогают.

– Больно ты прост. – Ильин смотрел недоверчиво.

– Ну, я не совсем прост.

– Тогда говори.

– Я за эти месяцы много чего передумал, решил со стрельбой кончать. Не хлебное дело. Я иное решил.

– Хлебное?

– Очень. Половина ваша.

– Нет! – быстро ответил Ильин.

– А вы, Игорь Трофимович, не зарекайтесь. Дальний банк – это надежно, но уж больно он дальний. А наличные – они завсегда наличные. И не мне вам, уважаемый, подсказывать, что жизнь порой так сдает, что по сравнению с ней самый классный исполнитель заезжим лохом окажется. Я один. Сашку моего можно не считать, ничего не знает и знать не будет. Я слегка обернусь, потом вы решите, падаете в долю или в стороне от денег остаетесь.

И раньше Ильину Галей нравился, сейчас понял, что цены парню нет. И надо же такому случиться, что малый оказался на другом конце веревки.

– На что же ты жить будешь, пока вернешься? – Ильин спросил и удивился своей глупости. – Мы же твой тайник нашли и доллары изъяли.

– Знаю. По совести, Игорь Трофимович, «зеленые» следовало бы вернуть, но ведь там не один человек шарил, значит, деньги оприходованы. А своих у вас нету, я с нищих не беру. У меня малость осталось, в одно место все яйца только последний кретин кладет. У вас сейчас одна задача: дать мне надежный канал связи. Естественно, никаких посредников. У вас наверняка имеется конспиративная квартира, мы там встретимся, я объясню вам суть дела, согласитесь – вы, ничего не делая, в доле, а нет – значит, нет.

– Если я ничего не делаю, зачем я вам нужен?

– Законный вопрос. В вашу контору может обратиться высокопоставленный и глупый человек, который скажет, что его шантажируют убийством и требуют деньги. Так он врет, его не шантажируют, убийством не угрожают. Об этом

сигнале я должен знать.

– Наконец-то, – облегченно вздохнул Ильин. – Значит, ты хочешь сделать из меня осведомителя.

– Я? – искренне удивился Галей. – Господь с вами, Игорь Трофимович! Если хотите знать, я вообще ничего не хочу. Я практически ни за что предлагаю вам серьезные деньги. Я побеспокоюсь, чтобы человек не был круглым идиотом и никуда о моей скромной просьбе не сообщал. А наша беседа и ваше согласие вас ни к чему не обязывают. Желаете – предупреждаете, не желаете – я без претензий.

– Ничего я тебе не отвечу, так как не понимаю. – Ильин продиктовал адрес. – Запомнил?

– Ну?

– Если я позвоню и спрошу, состоится ли сегодня пулька, ответишь, – мол, ошиблись номером. На следующий день в двенадцать придешь по этому адресу. Там решим, если перестанешь темнить, конечно.

– Всего наилучшего, Игорь Трофимович, звони, чтобы меня вывели. И не будь дураком, сотри запись нашего разговора.

Ильин выпил еще коньячку, чего раньше никогда себе не позволял, откинулся на спинку кресла и задремал.

Сквозь дрему он философски рассуждал, чего только черт не делает, когда Бог спит. Очень полковнику нравился спокойный и рассудительный парень Борис Галей. Многоопытный кагэбэшник отлично понимал, что на предложение бывшего киллера соглашаться нельзя. Но тот же опыт утверждал, что ему, полковнику контрразведки, никто никакого предложения и не делал. Его просто поставили перед фактом, точнее, перед выбором, – помогать преступнику и получать деньги. Или не помогать, деньги не получать, но если он провалится, в том и другом случае сгорит дотла. Если полковник не помогает Галею, тот рискует больше, а при аресте Галея он сдает гэбэшника, и горят оба, Ильин

горит значительно ярче, а уж вони будет больше неизмеримо.

«Разберем варианты. Я отказываюсь, денег не беру, Галей ошибается, его берут, он не может вывернуться и закладывает меня. Что мне предъявить со слов уголовника?»

От такой перспективы Ильин резко выпрямился, сонливость пропала. «Полковник Ильин говорит о визите – отрицать его невозможно. Раскручивается вся история с неудачной вербовкой уголовника и выплывает мое указание ликвидировать Галея. Авария и изъятие его тела зафиксированы. Моих парней потрясут, и хоть один да посыплется, за ним расколются остальные. Отмывая себя, оперативники все свалят на Ильина. Газеты поднимают дикий вой. Это уже не отставка – суд и тюрьма.

Вариант второй. Я принимаю предложение и беру деньги. В случае провала результат тот же, да не совсем. Галей считает, что у полковника Ильина счет в далеком банке. В том банке ильинского даже кучи говна не найдешь. Если я играю с Галеем, то вряд ли такой ловкий и осторожный парень сыпанется на первом же деле, да еще при моей страховке. Он один раз обернется, я получу тысяч двести, о меньшей сумме Галей не начинал бы разговора. Человек, имеющий в кармане двести тысяч долларов, уже совсем другой человек, и возможности у него совершенно иные».

Итак, полковник Ильин сделал выбор. А если бы он знал, о каких деньгах идет разговор, то все его выкладки и рассуждения оказались бы значительно короче.

Погода стояла промозглая, март к концу, пора бы москвичам привыкнуть, из года в год одно и то же. Под ногами темная жижа, наледь проступает, лужи расползаются, в общем – мразь.

На что уж ботинки на Галее добротные, подошва толстая, рифленая, носок шерстяной, а ногам зябко, все кажется, что промочил, а не должно. В ноябре, когда его так неудачно грохнули, на улице было немногим лучше. Четыре месяца он в Москве не был, изменилось мало, цены подросли, так Галей точно не помнит, какие они были.

Следовало поесть, спокойно обдумать, чем же закончился разговор с гэбэшником. По первому взгляду он, Галей, козырем вышел, однако известно, первый взгляд, случается, в десятку бьет, а может и в «молоко» увести. Он открыл дверь неприметного с виду кафе, колыхнув портьеру, навстречу шагнул охранник. То, что малый, хоть и в форменном пиджаке с золотыми пуговицами, не официант, тем более не хозяин, Галей определил сразу. Охранник поправил бабочку под белоснежным воротничком, переступил с ноги на ногу; обычно он безошибочно определял, кому помочь раздеться, кому указать на табличку «Мест нет». Но вошедший был прост и одновременно опасен. И чего в неказистом госте опасного – не разберешь; несмотря на молодость, вышибала за год приобрел изрядный опыт, нутром чувствовал – мужик «ряженый» и суть его не в одежде.

Галей оглядел небольшой уютный вестибюль, ткнул взглядом в швейцара, определил, что малый сопливый, хоть и «качок», сомнения его понял, прервал просто. Галей стянул мокрый плащ, швырнул в парня, пригладил мокрые волосы ладонью, которую тут же вытер о штаны, и шагнул в зал.

Из шести столиков занят был лишь один, за ним гуляли две шумные пары, явно при деньгах и из местных. Галей, хотя и был чист, как новорожденный, занял столик в углу, лицом к дверям и подальше от уже пьяной компании. Девицы были, конечно, блондинки, а парни в костюмах-балахонах, размера на два больше, чем требовалось. На запястье одного тускло блеснули золотые часы. Даже на таком расстоянии Галей определил, что «бока» настоящие «рыжие», не подделка, браслет массивный, в общем, мальчик деловой, либо только вылупился и красится под крутого.

– Здравствуйте, господин хороший! – прощебетала подбежавшая официантка, протянула меню. – Я вас слушаю.

– Сто пятьдесят «Абсолюта» в стакане, пачку «Мальборо», салат с мясом, кусок мяса с кровью и с картошкой, чашку кофе.

Официантка крутила в наманикюренных пальцах карандаш, не знала, что записать, мялась, затем тихо спросила:

– Простите, вам наши цены известны?

– Коли не хватит, у тебя, красавица, займу. – Галей вынул пачку сигарет, вытряхнул последнюю, закурил и вздохнул.

Галею не нравилось, что он начал пить и курить, хотя тем и другим занимался не всерьез, больше для баловства, чтобы отвлечься. Настроение было хреновое, ежели рассудить, так без причины. Он живой, здоровый, голова давно не болит, встреча с гэбэшником прошла нормально, хотя последний окончательного согласия не дал, но мужик он головастый, вмиг сообразит, что деваться ему некуда.

Вернулась официантка, накрыла ловко, умело и, чуть размыкая сочно накрашенные губы, прошептала:

– Вы меня простите, хотела как лучше, у нас недоразумения случаются.

– Я, сестренка, с понятием. – Галей выпил водку одним глотком, зажевал листиком салата, затем достал из брючного кармана пачку долларов, отслюнил сотенную, положил на стол, указал на стакан. – Повтори, пожалуйста.

– Мы вообще-то валюту не берем… – Девица смахнула сто долларов и исчезла.

Галей жил по принципу: только вперед; катился, как паровоз, не имеющий заднего хода и привычки оборачиваться. Что было, то прошло и уже неинтересно, забыто и не нужно. Профессиональный киллер, он не помнил имена и лица ликвидированных. У него была избирательная память, она выталкивала из небытия факты, имена, даже номера телефонов, если в них оказывалась сиюминутная надобность.

Однако сейчас он, не ощущая вкуса, ел салат и смотрел черно-белое немое кино последних месяцев в своей жизни.

Прошлой осенью, когда он был взят спецслужбой, познакомился с полковником Ильиным и жил в гэбэшной загородной резиденции, то вначале не дергался. Он знал себе цену, таких не ликвидируют. Ведь никто не швырнет в пруд золотую монету, чтобы посчитать, сколько кругов от ее всплеска разойдется. Для такой забавы под ногами сколько хошь камешков валяется.

Но когда Ильин стал как танк лезть вперед в отношении «горячего» «вальтера», Галей забеспокоился. Он почуял, что «вальтер» нужнее стрелка, и он, Галей, тут интерес не главный. Какую-то темноту служба замыслила, и в исполнении замысла «горячая» пушка важнее исполнителя. Тем более что ни одно дело Галея, даже при наличии орудия убийства, в суде не доказывалось. Уж об этом он заранее позаботился.

Тогда Галей поздно понял, где оплошал, просто свалял дурака. Он выставился перед полковником слишком умным и хватким, гэбист его понял, испугался, что такой конь под уздой не ходит, – может по желанию засбоить и понесет куда не следует.

Галей догадался – решили обойтись без его услуг, хватит и стреляного ранее «вальтера». Киллер не отдавал пистолет до последнего, пока не понял, что дошел до самого края, времени у полковника нет, а он в игре не «джокер». Шлепнут упрямого малого, может, и жалко, да так легло, и выбора у Ильина нет. Тогда Галей требуемый «вальтер» отдал, но и тут лишку допустил. Не просто тайник указал, а в присутствии оперов пистолет втихую забрал, пронес в ихнюю «малину» и шикарным жестом выложил перед полковником. Галей хотел лишний раз доказать свой класс, мастерство, а вышло наоборот, выпендрился; полковник убедился, что киллер спецслужбе не по зубам, пистолет забрал, а Галея решил ликвидировать наверняка.

Получив «вальтер», Ильин из особняка исчез. Через два дня, когда стемнело, знакомые охранники, уже кореша, предложили киллеру поехать взглянуть на место предстоящей «работы». Но усадили не в свой «мерс» или «Волгу», а в «жигуль» Галея, и он понял, что его везут убивать. И даже догадался, как именно станут убивать. Стрелять не собираются, организуют аварию, потому и взяли машину Галея. «Сейчас главное не показывать, что я все понимаю. Поверили, посадили рядом с водителем, не боятся, что я выброшусь из машины на ходу. Ударят по затылку, пересадят за руль и спустят машину под откос».

За спиной зашебуршились, он как бы невзначай обернулся, один из ребят держал стакан, второй открывал бутылку коньяку.

– Жаль, не пьешь, а то бы как раз на троих, – сказал один, старательно отворачиваясь от взгляда Галея.

– А я не знаю, пью или нет, – беспечно ответил тот, даже хохотнул. – Давай, раз такое дело, попробую.

– Неужто и впрямь в жизни не пробовал? – удивился державший стакан, повернулся – из-под ляжки у него торчала монтировка.

«Значит, бить будет он, когда ему нальют и он начнет глотать, я могу выпрыгнуть. Но справа от шоссе тянулось ровное поле, спрятаться негде. Как ловко я ни упаду, пока поднимусь, они машину назад подадут, догонят и убьют. А нет, так пристрелят».

Все правильно просчитал Галей, а момент удара пропустил. Много позже он понял: амбал ударил, когда передавал товарищу стакан. Они и возню с коньяком устроили, чтобы создать максимально мирную обстановку.

Сознание вернулось, когда в машине уже никого не было, она летела по шоссе. Галею казалось, что он выныривает из-под воды, еще секунда, можно вздохнуть…

Только позже он понял, что «Жигули» врезались в опору столба, потому Галей из-под воды не вынырнул, ушел в глубину.

…Он вновь пришел в себя, услышав мужской голос:

– Повезло парню, ноги, руки вроде целы…

– Затылок видел? Наверняка шейные позвонки поехали, коли выживет, урод на всю жизнь.

Галей шевельнул пальцами ног – получилось. Он приоткрыл глаза, понял, что уже в «Скорой». Мелькнула дурацкая мысль, мол, здорово у нас «Скорая» работает.

В приемном покое он окончательно пришел в себя, двинул ногами, руками, сел, коснулся запекшегося в крови затылка. Здесь на Галея никто не обращал внимания. В операционную стояла, точнее, лежала, очередь, кругом стонали, кричали, матерились. Какой-то, невидимый Галею, осипший мужик выл и искал

свою ногу.

Галей потихоньку слез с каталки и примостился на стул между двумя мужиками, такими же, как он, окровавленными, к тому же пьяными.

Две женщины – одна в халате, другая в пальто, не обращая ни на кого внимания, разговаривали между собой.

– Ну, счастливого тебе дежурства, – говорила в пальто.

– Ты скажешь, – отвечала в халате, – сейчас еще привезут, мало в крови, так еще и…

– Не греши, дуреха, – перебила в пальто. – Слушай, а ты мне тысчонок десять до получки…

– С ума сошла? Бывай! – Сестра в халате вильнула круглым задом и скрылась за углом.

Галей понял – вот его шанс; собрав всю силу воли, поднялся, взял женщину в пальто под руку и сказал:

– Выйдем.

Она хотела отстраниться, взглянула на его голову, сказала: «Да вам к хирургу требуется», – но к двери шагнула.

Они вышли на припорошенное снегом крыльцо. Галея замутило, он чуть было не осел, но ведь с детства бился за жизнь, устоял.

– У меня деньги есть, а тут загнусь в очереди. – Вынул из кармана пачку денег, сунул женщине. – Помоги, сестра.

– Меня зовут Настя, ты оскользнулся, упал, давно знакомы. – Она взяла его под руку жестко, по-мужски. – Спустимся, дай Бог, ног от земли не отрывай, волочи…

Счастье улыбнулось Галею, как в голливудской комедии. Настя оказалась в меру душевной, корыстной, по-русски пьющей. Жила она неподалеку в отдельной квартире одна.

– Странный вы какой-то, – сказала официантка, присаживаясь к его столу. – Вроде и одеты никак, не больно молоды и красивы, не фигуристы, а чувствуется в вас мужицкая сила.

Галей согласно кивнул, взял принесенный девушкой стакан водки, отпил ровно половину, доел салат и только после этого сказал:

– Хозяин прислал, интересуется, что за птица залетела? Передай, не из органов и не блатной, просто вольный человек.

– И пачка баксов в кармане.

– Так к вам другие не ходят.

– Не так одеты и держитесь не так, опасный вы человек.

Галей нахмурился, волк не должен выглядеть волком, могут пристрелить, спросил:

– Тебя как зовут?

– Душечка, милочка, лапочка, – ответила девушка, кокетливо улыбаясь.

– Разведенная, ребенку сколько?

– В школу ходит, пацан, у матери живет, а я абсолютно свободная.

– Ты мне нравишься, лапочка, только я девкам деньги не плачу. Умная меня так полюбит, а дурочка мне ни к чему.

Официантка фыркнула и отошла. Галей проводил ее взглядом. Девица смотрелась, лет двадцати семи, тело в норме, где требуется – выпуклости, но не раскормленная, косметика на месте, но лишнего нет, губки пухлые, глазки хитрые, значит, не дура. Женщина была Галею нужна не для постельных дел, хотя мужик он был нормальный, а после выпивки и темпераментный, требовалась женщина с квартирой, где можно появляться, при необходимости отлежаться.

Медсестра Настя, с которой Галею поначалу так повезло и у которой он прожил несколько месяцев, почуяв у мужика деньги, начала тянуть на себя. Дело было не в деньгах, спрятал, не дал, при необходимости дал по шее. Настя начала пить и много болтать. Явился участковый, к тому времени Галей уже получил у Сашки свой паспорт, разговор с ментом кончился мирно, выпили по рюмашке. Но жить с болтливой пьющей бабой было совсем ни к чему. Однажды, когда Настя дежурила, Галей шагнул за порог и захлопнул за собой дверь.

Странное дело, с одной стороны, Галей определенным женщинам нравился, с другой – совершенно не умел с ними знакомиться. Он стеснялся. Смешно? Возможно. Только Галею от такого смеха было не легче. Ладно скроенный, хорошего роста, спокойный и уверенный, он не умел подойти к женщине и сказать слова, которые с легкостью произносили миллионы мужчин, не обладающие его внешностью и умом, не говоря уже о деньгах. У Галея существовал некоторый недостаток: он был киллером, наемным убийцей. Но, во-первых, мужчины при знакомстве о своих недостатках говорят необязательно, во-вторых, кто без греха?

Когда женщина обращала на него внимание первой, Галей чувствовал себя уверенно. Официантка явно клюнула, слова об его уверенности и прочее можно пропустить, девица увидела деньги. Она не стояла на улице, не торговала собой в открытую, но явно была «платная девочка». Не то чтобы Галей был таким девственником, что никогда женщинам не платил, случалось, но, в принципе, они есть у каждого, он хотел от женщины ласки естественной, деньги не за любовь, а как бы в придачу, в виде подарка.

Официантка проводила шумных гостей. Галей остался в ресторанчике практически один, если не считать скромную парочку, сидевшую в противоположном углу. Галей приподнял руку, когда девушка подошла, сказал:

– Счет, пожалуйста.

– Все о'кей, вы уже заплатили.

– Черкни мне свой телефончик, лапочка, и не вздумай дурочку валять. Я парнишка не ленивый, зайду… В общем, поняла.

– Грубиянов не люблю. – Девушка вырвала из блокнота листок, записала свой номер.

– Спасибо и до скорого! – Галей сунул листок в карман, в гардеробе позволил надеть на себя плащ, дал десять долларов и вышел под моросящий дождь.

Михаил Захарченко, которому Гуров назначил встречу у кинотеатра «Варшава», жил на Масловке, рядом с домом, где обитали братья Галеи.

Малолеткой Мишка отсидел около двух лет за карманную кражу, следовательно, прошел лагерную «школу» и имел определенный авторитет среди местной шпаны и разномастных уголовников мелкого розлива. Парень он был смелый, физически крепкий, не амбал, не качок, но в уличной драке совсем не последний человек, промышлял в районе по мелочи, был смел и дерзок. Местные авторитеты взяли Мишку Захарченко на заметку и однажды пригласили его для «разговору».

Ссылаясь на «просьбу» людей очень серьезных, Михаилу предложили за солидные деньги и пропуск в круг избранных под видом ограбления замочить одного мужичка. При этом авторитеты забыли упомянуть, что мужичок тот известный мент, всегда вооружен и в уличной схватке крайне опасен. Короче, бросили Мишку с его друзьями-малолетками прямо в пасть сыщику Гурову.

Поздним вечером «банда» из четырех сопляков подстерегла Гурова в переулке у двора его дома, схватки, естественно, не получилось, один из нападавших был оглушен паралитическим газом, двое бежали, а Мишку сыщик захватил, приволок к себе домой, где беседовал с ним до утра.

Гуров никогда не упускал возможности подвербовать человека «из среды». Полковник не заводил дел, не отбирал подписок о сотрудничестве, устанавливал человеческий контакт и, если за парнем не было серьезного криминала,

отпускал на все четыре стороны, давал советы, в действенность которых Гуров, конечно, не верил. Так сыщик поступил и с Михаилом Захарченко. Да, он с дружками напал на человека, могли ограбить, а то и убить, но ведь в конкретной ситуации отвести парня в отделение милиции равносильно тому, что выпустить на волю. Состав преступления не доказывался. Но, пройдя через отделение, тумаки районных оперов, бессмысленные допросы дознавателя, в Москве появился бы еще более озлобленный, чувствующий себя победителем – ведь не доказали – грабитель, возможно, убийца. Гуров же выпустил парня, увидевшего окружающий мир в несколько ином свете, уверовавшего, что среди ментов есть мужики стоящие, на которых в трудный момент можно положиться.

Конечно, тот факт, что Михаил жил в соседнем доме с разрабатываемым Гуровым убийцей, был чистой случайностью. И помочь Гурову в разработке Бориса Галея он вряд ли чем мог, так как дружил с младшим братом киллера, увечным Сашкой, который о делах брата особо не знал. Однако как в песне поется: «Раз ступенька, два ступенька – будет лесенка».

Вот и в субботу, раздумывая, кого бы послать на поиски крепления, удерживающего карабин, из которого убили Скопа, полковник вспомнил приблатненного Михаила Захарченко. А «крестник» и преподнес сыщику новость, что воскрес давно забытый киллер Галей.

Оставив «семерку» в стороне от кинотеатра, Гуров протиснулся среди торгующих москвичей, которые продолжали осваивать «рыночные отношения» и то ли не знали о постановлении мэра об упорядочении уличной торговли, то ли уже «отстегнули» кому положено, потому что продавали пачки «Явы», бюстгальтеры и кожаные куртки неизвестного производства.

Преодолев все преграды, Гуров не успел дойти до «Варшавы», когда его толкнули под локоть и негромко спросили:

– Господин, вас что конкретно интересует?

Гуров голос Мишки узнал, не повернулся, продолжая смотреть под ноги, чтобы не оступиться в лужу, ответил:

– Меня интересует, когда ты поумнеешь, но, видно, не дожить. Ходи за мной, в машину сразу не лезь.

Сыщик сделал небольшой круг и вернулся к своим «Жигулям».

Он сел за руль, включил мотор, выждал, пока не усядется Мишка, и поехал прочь от опасной толкотни, где не поймешь, кто тебя видит. Гуров свернул в переулок, затем в другой, въехал во двор, где стояли две машины, остановился рядом, повернулся к Михаилу.

– Здравствуй, парень, рад видеть.

Мишка молча кивнул, глядя в серьезные глаза, в глубине которых мелькали то ли чертики, то ли смешинки, наконец ответил:

– Здравствуйте, Лев Иванович. – И вздохнул: – Не пойму я вас.

– Чего меня понимать? – Гуров положил локти на спинку сиденья. – Я мужик приличный, остальное не суть важно. Как живешь? Рассказывай.

– Вот, Борис Галей объявился, долго отсутствовал…

– О Галее потом, ты сам-то как? В криминале не увяз? После схватки с полковником Гуровым ты должен был подняться. Работаешь, нет? На что живешь, чем промышляешь? Куда тебя Батя определил?

– Боитесь, не увяз ли ваш агент в мокрухе?

– Миша, не присваивай себе званий. – Гуров усмехнулся. – Ты на меня напал, мог замочить? Факт. Я тебя должен был в острог упрятать, а выпустил. Во мне совесть шебуршит, может, я в тебе ошибся и людям плохое сделал?

– Сколько я ментов повидал, а такого…

– Ну, сколько ты ментов повидал, парень? – перебил Гуров. – Ты из себя шибко бывалого не строй. А менты, как все люди, разные. Черные, белые, серо-буро-малиновые. Ты философию брось, расскажи, как живешь.

– Живу, лавка у меня, торгую, в общем, как все. Ну еще по указу Бати за соседними лавками приглядываю, гляжу, чтобы чужие не лезли, не обижали. Ну, когда я в «законе» укрепился, Батя решил меня к какому-то серьезному делу пристроить. Я, честно сказать, перетрухнул, так как мне сразу пушку дали. Я к Галеям пошел, младшему говорю, мол, так и так, пушку показываю. Ну, Сашка на костылях, вы знаете, так мне своим костылем по горбу как въедет, аж белый стал: «Брось немедля!» Я ему, мол, как бросишь, когда пистоль сам Батя передал. Сашка желваки под скулами двинул и говорит, мол, отдай пушку тому, кто ее тебе дал, скажи, Борис Галей иметь не велел, а я с братаном потолкую… Знаете, Лев Иванович, – продолжал Михаил вспоминать дела прошлогодние, – я имел понятие, что старшой Галей в авторитете, но чтобы в таком огромадном – не подозревал. С того дня и по сегодня со мной вся округа низко раскланивается, сам Батя к моей лавке подошел, пачку сигарет купил; я от денег отказываюсь, он скривился и говорит: «Бери, парень, иначе проторгуешься». Сигаретку зажег, пыхнул разок и продолжает: «Торгуй беспошлинно, палатки, что по энтой стороне улицы, – под твоим приглядом. Если толковище начнется, на меня сошлись. А у Галеев будешь, Борису Сергеевичу поклон передай». Я понимаю, Борис меня неспроста прикрыл, он Сашку любит, а я дружок, опять же в магазин сгонять, пьянчугу с квартиры выкинуть. Но за такую мелочь стальную крышу получить – великий фарт. На мне теперь ни кражонки, ни кровинки, авторитет в округе огромадный, хоть в церковь на исповедь.

– Молодец, рад за тебя. – Гуров оглядел ладную фигуру парня, кожаное пальто, водолазку под горло. – Из сопливого гоп-стопника в коммерсанта превратился. А когда Галей исчез, тебя не тронули?

– Он и раньше отъезжал. – Михаил замялся, увидев смешинку в глазах полковника, продолжал: – Сперва дня три его не было, ночью объявился на иномарке в мужской компании. Тетка Авдотья, форточница, она водкой ночью алкашей поддерживает, видела. Приехал, мол, Бориска, как фон-барон, два мужика спереду идут, два в сопровождении. Пробыл он дома всего ничего, так же фасонисто вышел и укатил.

«Это гэбэшники Галея за «горячим» «вальтером» привозили», – понял Гуров, спросил:

– Но потом Галей надолго исчез, болтали, что разбился на своих «Жигулях»?

– Было дело, у нас тоже шептали разное, к Сашке и участковый заглядывал, интересовался, звонит брат или как? Сашка и так худой, а в ту пору почернел, только глаза живые, сам будто мертвяк. Вскоре, дней через несколько, я ему продукты приволок. Сашка прыгает по квартире, насвистывает, бросил на стол конверт, говорит, что старшой звонил, занят сильно, просит паспорт подвезти. Ну, мне не трудно, я паспорт отвез, Борис братану тысячу зеленых передал, велел все брату покупать и мне два стольника баксов сунул.

– Это когда было? – спросил Гуров.

– В конце ноября вроде.

– Чего же ты мне не звякнул?

Михаил глаза прикрыл, затем оскалился и злым шепотом, словно слышит кто, ответил:

– А вы, Лев Иванович, меня за стукача держите? Я от Галеев, кроме доброго, ничего не видел, закладывать их не буду! Чего хотите делайте, желаете – старое подымайте! Там, если пошарить, кое-чего найти можно!

– Не плюйся, Миша! – улыбнулся было Гуров, но улыбка тут же с лица сползла. – Стучать на других – грех, только стук – он разный бывает и стучать в разные двери можно, в мою, так всегда дело доброе. Ты погоди пылить. Я над этим вопросом думал, сегодня думаю, сколько тебе лет, столько и бьюсь над этим вопросом. Только ответа однозначного у меня никак не получается.

Михаил съежился, сник. Гуров закурил, опустил стекло, молчал долго, затем тяжело, нехотя, начал:

– Вот раньше, в книжках, в кино, коли наш человек чего творит, документы секретные крадет, так «Подвиг разведчика» получается. А если ихний у нас заводскую трубу сфотографирует, так подлый шпион и наймит. А разведчик или агент, он что американский, что русский, эфиопский, он свою работу выполняет и каждый не за просто так, не за одну идею, деньги за работу берет. Возьми меня, вроде я людей от зла оберегаю, такой правильный, памятник при жизни ставь и флаг мне в руки. А если приглядеться? Сколько душ я повыкручивал? Думаешь, я тебя прошлым летом за просто так отпустил?

– Не дурак, знаю, что должник, – буркнул Михаил. – А на Галеев доносить не заставите. Я о возвращении Бориса сказал, потому как он сам в дом вернулся, люди видели.

– Цель оправдывает средства? – продолжал Гуров. – Умные, интеллигентные люди утверждают, что слова эти фашисты придумали, чтобы свои нечеловеческие поступки оправдать. Я, к примеру, не дурак и не зверь, в университетах обучался, но ответа на вопрос не знаю. Оправдывает или не оправдывает? Я так полагаю, что данную фразочку не фашист придумал, а некий философ, чаек попивая, от нечего делать, ради большого умствования сочинил. Потому как слова одни и содержания не имеют. Какая цель? Какие средства? Кабы этому философу за спиной его жену с детишками поставить, а в руки топорик вручить, а супротив старуху с косой выставить и потом спросить: милок, ответь – цель оправдывает средства? Рассуждать просто. А вот в конкретном случае конкретные действенные решения принимать, так не дай Бог! Врагу не пожелаю!

Лицо Гурова затвердело, лишь на виске билась вена. Мишка смотрел на полковника со страхом, лизнул сухие губы, сказал:

– Лев Иванович, тебе стакан принять требуется.

– Мне, Михаил, много чего требуется. – Гуров вынул из бардачка бутылку «Тоника», отвинтил крышку, сделал несколько крупных глотков, протянул бутылку агенту. – Да, парень, в каждом конкретном случае решать приходится. Верно решил, значит, ты человек и мужик настоящий, неверно – ты стукач, мусор и говно. Я тебя стучать на Галеев не подталкиваю, учти только, что братья они родные, а люди совершенно разные. Сашка хоть и увечный, а, видно, душевный. А когда ты с Борисом стоишь, учти, что для него жизнь твоя плевка не стоит. Думал, говорить тебе, не говорить, смалодушничал и предупредил. Видишь, как жизнь хитро карты кладет: вроде предупредил, доброе дело сделал, а загляни в меня поглубже, увидишь – старый опер не от доброты предупредил, покой свой оберегал. Если теперь тебя Борис убьет, я не в ответе. Ты, Михаил Захарченко, предупрежден был, а дурака свалял и не уберегся.

– Кончай рубашку рвать, Лев Иванович, я и раньше в глазах Бориса смерть видел, – усмехнулся Михаил. – Улица знает, Борис в ЧК ликвидатором работал.

– Знает улица и знает, ЧК так ЧК, к тебе просьба не велика. Если увидишь, что у Галеев с деньгами напряженка спала, позвони. Договорились?

– Это запросто!

– Теперь слушай задание. – И Гуров объяснил агенту, куда надо подъехать, где и какую железку поискать, и дал чертеж предполагаемого крепления.

– Плевое дело, – улыбнулся, облегченно вздохнув, Михаил. – У меня теперь тачка имеется. Борис братану подарил, мне дает на рынок сгонять, другие дела. Оденусь поплоше, прохари отыщу, все облазаю, ежели ваша железка там имеется, доставлю в лучшем виде.

Глава 4

В понедельник утром Гуров по «вертушке», которую якобы отменили, позвонил вице-премьеру Барчуку.

– Доброе утро, Анатолий Трофимович, вас беспокоит полковник Гуров Лев Иванович. Я не ворвался на совещание?

– Здравствуйте, я один, но занят, – вежливо, но достаточно сухо ответил Барчук.

– Понятно. Как у вас складывается день? Мне нужно с вами подъехать на вашу дачу.

– Сегодня отпадает, завтра тоже…

– Тогда давайте через час прямо на даче и встретимся.

Сидевший напротив Крячко наблюдал за другом с любопытством и некоторой долей иронии.

– Я все уже рассказал, добавить мне нечего, а свободного времени у меня нет.

– Минуточка имеется? Я вечером встречаюсь с газетчиками. Они, как вам известно, ребята разные. Человека убили. Пусть он и не тележурналист, но и не чеченец, к убийству которых уже привыкли. Так вот, некоторые журналисты могут вас не понять.

– Это шантаж.

– А я считал, что гражданский долг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/leonov_nikolay/mschenie-spravedlivo

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить